

Министерство культуры и молодёжной политики Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Вячеслав Харитонов

ПОЛЫНОК

Стихи

Русское эхо
2012

Харитонов В.В.

X 20 Польшок: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2012. — 248 с.
ISBN 978-5-904319-66-3

В 2012 году сызранскому поэту, члену Союза писателей России, лауреату областной литературной премии имени Виктора Багрова и всероссийской литературной премии «МАСТЕР» Вячеславу Харитонову исполняется 70 лет.

«Польшок» — это четвёртая книга поэта. Первая книга В. Харитонova «Околица» вышла в 1985 году, вторая — «Полустанок» — в 2004 году, а третья — «Всплески» — в 2011 году. Стихи поэта публиковались в коллективных сборниках, журналах «Наш современник», «Русское эхо» и ряде других изданий.

В книгу «Польшок» вошли, в основном, новые стихи, написанные в последние годы.

СЛАДКИЙ ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Новый сборник Вячеслава Харитонова напомнил мне один давний случай.

Ехал как-то в полупустом вагоне поезда местного сообщения вместе с древней деревенской старушкой. Она возвращалась от дочери с городской зимовки. И ей было радостно, что возвращается домой в свою настывшую за зиму, но страшно родную избу, что за окном играет солнце, весна-красна в своём праздничном наряде. Первые травы сверкают сочной зеленью, придорожная лесополоса вяжет кружево лиственных узоров.

На одном из перегонов по кювету замелькали огненно-красные кипы зацветшего миндаля.

Моя попутчица так и ахнула, всплеснув руками:

— Господи, красота-то какая! Будто ангелы пробежали!

И тогда мне подумалось, разве её восторженное восклицание не есть поэзия?

Ну, конечно же, поэзия. Подобно магическому кристаллу, она растворена в самом духе народа, в его повседневной жизни. Она и сама есть живая плоть человеческой души. Только не каждому дано художественно организовать её, положить на музыку стихов.

Вячеславу Харитонову это дано. Потому и рождаются под его пером стихи:

Наконец-то расщедрилось небо.
Отошла морось тусклая в тень,
И душе, и земле на потребу
Улыбнулся безоблачный день.
Горизонт прояснившийся выщвел.
Поутихли в округе ветра...
Лишь сегодня впервые увидел,
До чего же природа мудра!

И тычинка любая, и пестик
В бриллиантах студёной росы —
Воплощение солнечной песни.
Эталон неизбывной красоты...

Заметить эту «неизбывную красу» опять же дано лишь человеку с зорким поэтическим сердцем.

Помню Вячеслава Харитоновича ещё совсем молодым в компании поэтов и прозаиков города Сызрани. Тогда были живы Анатолий Ульянов, Владимир Сидоров, Владимир Рыбалко. Все они работали в местных газетах, обладали неравнодушным литературным пером, вокруг них пульсировала живая творческая атмосфера, без которой не бывает ни возвышающего нас духа, ни художественной зрелости.

Ныне за плечами Вячеслава Харитоновича огромный житейский опыт, а вместе с ним — и творческий опыт. Всё это вкупе и явило нам интересного поэта, автора нескольких стихотворных сборников, ставших заметным явлением в нашей литературной жизни. О его стихах тепло отзываются как почитатели таланта, так и собратья по перу.

Чем интересен Вячеслав Харитонович для меня? Прежде всего, честным служением Слову. Впрочем это тоже не в счёт. Это само собой разумеется. Без упорного, честного и правдивого служения Слову в литературе не состоялся ещё ни один сколь-либо серьёзный писатель.

А ещё Вячеслав Харитонович интересен своей верностью родной истории, русскому духу, любовью к малой Родине. Без этих качеств не стало бы ни авторской самобытности, ни стихов, прославляющих родные истоки.

Такого места славного
Нет на планете всей,
Посёлок мой Варламово,
Ты — соль судьбы моей...

Кому-то может показаться, что сказано несколько пафосно. Но это же сказано о месте, где родился, вырос, откуда пошёл. А как ещё можно говорить о Родине?

Свою новую книгу Харитонов назвал без излишней затейливости, непритязательно и даже, казалось бы, приземлённо — «Полынок». Но в этой непритязательности и кроется философский смысл, близкий, думается, не только автору.

Я — полынок в широком поле,
Где ветры стонут день-деньской,
Где ночь встречается с закатом,
А с ночью — новая заря.
Где камень на холме покато
Поставлен предками не зря...

Полынь — трава горькая, говорят в народе, но и врачующая. Без этого скромного на вид растения невозможно и представить нашего среднерусского пейзажа. Выйдите за околицу села, за окраину города — и вот она — эта полынь дымными кулисами до самого горизонта. Без этого растения нет ни солонцовых низин, ни горячих песчаных взгорий. Везде она, наша полынь. Её жизнестойкость беспримерна. Не потому ли она живёт и в песнях народа, в сказаниях его, да и в повседневном быту? Полынный веник издревле был почётным предметом в каждой крестьянской избе.

В сборнике Вячеслава Харитонова немало стихов, посвящённых нашему далеко неустоявшемуся времени. И это опять же свидетельствует о гражданской зрелости поэта, о его равнодушии к явлениям сегодняшней жизни.

Ныне Вячеслав Харитонов достиг той возрастной черты, когда наступает пора подведения итогов. Он и подводит их стихами нового сборника.

Хочется верить, что это всего лишь предварительное подведение, что впереди у автора ещё не одна поэтическая залежь, где и полынные вёты шумят, и солнечных ромашек светлый рой.

Иван Никульшин,
член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ

I. РОДОСЛОВНАЯ

БИБЛЕЙСКОЕ

В начале было слово,
Всемерно и толково.
Потом — припело дело
Для разума и тела.

И рассудил Всевышний:
— Здесь человек не лишний.
Адам, ты — справа. Слева
С тобой пусть ходит Ева...

И с щедростью хозяйской
Доверил сад им райский.
И нам судить ли Бога?
Дров наломали много

Под сенью чудо-древа
С тех пор Адам и Ева.
Ах, эта тень смоковниц!
Ей много есть что вспомнить:

И Змия в бликах рыжих,
И яблока огрызок,
Касанье губ невинных
И горечь ягод винных...

САМОЦВЕТНЫЕ СЛОВА

В начале было Слово...
Евангелие от Иоанна

I

У истоков любого творения,
Сбросив тяжкий с души балласт,
Слово проблеском вдохновения
Поднимало над буднями нас.

И шарахались призраки бледные,
Открывая единственный путь,
Где царили слова самоцветные,
Их глубинная, мудрая суть.

II

Неуёмной души движенье,
Словно искристое вино.
Слово требует произношенья,
А иначе угаснет оно.

Слову тесно в обличии литер,
Даже если его запишу.
Слово — это настойчивый лидер.
Вслед за словом я к людям спешу.

Пусть сомненье порой подступает,
Холодком пусть порой обдаёт —
Силы слова ничто не убавит,
Если истины час настаёт.

Зазвучи же призывно и ново,
Органично, как выдох и вдох,
Золотое, заветное слово,
Коль помог его выстрадать Бог!

ВЕЛИКОЕ ОЛЕДЕНЕНИЕ

Когда под гул метелей и ветров
Дыханьем норда затмевало солнце,
В пещерах гасли угольки костров
Неандертальцев или кроманьонцев.

А Север гнал всё дальше ледники,
Подобием застывшего цунами
Змеились ледяные языки,
Долины заполняя валунами.

Гранит крошился, рушился кремень,
Морен рождая каменные дуги.
В предчувствии суровых перемен
На юг спешили мамонты в испуге.

Природы лик менялся, дик и хмур,
И наступала тундра на дубравы,
Где пращур в одеяниях из шкур
На зверя вёл жестокие облавы.

А поддавался мамонт на обман —
Под градом стрел, дубин, камней и копий
Ниц падал, как в конвульсиях шаман,
Перед камланием вкусивший опий.

Всё стойбище закатывало пир,
Ещё не зная овоща и злака.
И осеняло первобытный мир
Мерцание созвездий зодиака.

ГЛИНА

Саваоф придумал глину,
В человека жизнь вдохнул
И на детище невинно
С голубых небес взглянул.

В ней себя узнав: «О, Боже,
В этой глине сто чудес!» —
Человек придумал обжиг
И ударился в прогресс.

С позволенья сил всевышних,
Сбросив косности ярмо,
Изобрёл, стартуя выше,
Клинописное письмо.

Сотни глиняных табличек
Вынимая из печи,
Собирать стал по привычке,
Словно пекарь калачи.

Ну а следом и папирус
Изобрёл он, и печать.
И над прочим миром вырос
Даже в Божеских очах.

А потом, придумав книгу,
Меч и порох изобрёл.
И зазнался, поелику
Ввысь вознёся, как орёл.

Но действительность сурова.
Сплюнь, земляк! А ты готов
Превратиться в глину снова,
Коль разгневан Саваоф?!.

ФИННИКИЙЦЫ

В глубине столетий тонут
Корабли и маяки...
Где вы, где, купцы Сидона?
Где вы, Тира моряки?

Со стихией в вечном споре,
С одержимостью в крови
Вы из Средиземноморья
Вдаль вели суда свои

От кедровых гор Леванта,
Геркулесовых столбов,
Славя главный из талантов —
К приключениям любовь.

Вас искуснее едва ли
Знал тогдашний белый свет.
Вы отважно огибали
Африканский континент.

Вас и Север звал заветный,
Где фортуна, склонна к вам,
Открывала путь секретный
К оловянным островам...

Парусов раскинув крылья,
Избегая лишних битв,
Миру вы стекло открыли,
Подарили алфавит...

Но сошла успехов пена —
Дни скитальцев сочтены.
На руинах Карфагена
Еле слышен вздох волны.

СФИНКС

Мегалитам Стоунхенджа
И Кижам в Отечестве
Удивляемся всё реже
На пороге вечности.

Без ребячьего восторга —
Что бы это значило? —
Жизнь минувшее отторгла,
Нас переиначила.

Но всё также в лунном блеске,
В камень замурованный,
Сфинкс на набережной невской
Смотрит, зачарованный.

Что он видит на панели,
В край попавши северный?..
Сто веков окаменели,
Взглядом тем просеяны.

АРКАИМ

Русь жила и умирала.
Что нам Троя или Рим,
Если чуть южнее Урала
Грезит прошлым Аркаим!

Обнаружен он случайно.
Вероятно, потому
Есть в его руинах тайна,
Неподвластная уму.

Не в тайге и не в пустыне
Мыслью, скрытой между строк,
Распростёрся на равнине,
На скрещенье ста дорог

Средь полынного угара,
Где снуют эпох ветра
И берёт исток Самара —
Речка бога солнца Ра.

В дни, когда болид ударил
В землю наших праотцов,
Здесь прошёл, спасаясь, арий
От смещения полюсов.

В мире нет огня без дыма.
Но о многом пращур знал.
Хитрым планом Аркаима
Предок нас предупреждал.

Но о чём? Скажи, учёный,
Углубляющий раскоп:
Дождь ли вдруг прольётся чёрный
Или ждёт землян потоп?..

* * *

Стрибог, стрижи и стрежень —
Забывшие слова.
Их древним смыслом прежним
Проникнусь я едва —

Пронижет пульсом чётким
И удалю хмельной,
Хотя б на миг короткий,
Любви к земле родной.

И не стреножить мысли,
И не сдержать коней,
Когда такие выси
Над Родиной моей!

О ЯЗЫЧЕСТВЕ И СЛАВЯНСТВЕ

*Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными глазами.*

Александр Блок

Скифы, сколоты... Не правда ли?
Что нам божества извне?..
Святовита ли, Триглава ли
Нам хватило бы вполне.

Леля нам хватило б, Мокоши,
Да Кощея и Яги,
Что от полдня и до полнощи
Русским людям — не враги.

Оболгали их церковники.
Но их сонм не оскудел.
О Перуне только вспомните,
Об огне разящих стрел.

Их всегда ценили русичи,
В бой с врагами уходя
За поля, леса дремучие,
Да за старца и дитя.

Обозвали Русь языческой.
И она смирилась, взяв
В лоно судеб героических
Злой Византии устав.

Всепрощением богатые,
Мы забыли капищ дым.
Не с того ли чех с хорватами
Спелись с Гитлером самим?

Вот и нам грех непростительный
За истерзанный Белград:
У Перуновой обители
Предал серба русский брат.

САРМАТКА

Ей выжигали грудь,
Готова с детства к бою,
Могла чтоб натянуть
Лук с тетивой тугою

И поразить врага
Стрелой из сагайдака.
Милее очага
Была сарматке драка.

Её пьянила степь,
Подёрнутая дымкой,
Где под курганом склеп
Воительницы дикой,

Над ним ковыльных грив
И тучек серых клочья,
Степных ветров надрыв,
А у кострища ночью —

Не щёкот чутких птах
И робкий свет берёзок —
Путь Млечный в небесах —
След кочевых повозок.

СВЯТЫНЯ

Судьбою Скифии встревожен,
С глубокой думой на челе
Царь повелел своим вельможам
Собрать со скифа по стреле.

Исполнить волю властелина
Помчались верные гонцы.
Степей бескрайняя равнина
Раскинулась во все концы.

Угасла медь ста зорь вечерних,
Сто лун померкло с той поры.
Посланцы стойбищ и селений
Спешат к царю, собрав дары.

Везут и яхонты, и чаши,
И остроклювых стрел снопы.
Главу склоняют, прискакавши,
У государевой стопы.

И, вырастая в холмик плотный,
Стрела к стреле ложатся в ряд.
Из бронзы отлиты добротной,
Их наконечники горят,

А оперение похоже
На зарево грядущих сеч.
Их приумножь, всесильный Боже!
Не затупи разящий меч!

— Благословен пусть будет вечно
Великой Скифии народ! —
Промолвив так, за наконечник
Премудрый царь стрелу берёт.

Воитель доблестный и смелый,
Её кидает он в костёр:
— Врага разили эти стрелы.
Велю отлить из них котёл!

И пусть на радость нашу слуги
Вином его наполнят всклень,
А труб серебряные звуки
Степь оглашают целый день,

Чтоб удалец, врага сразивший,
За кубком кубок поднимал,
А робкий или духом нищий
Речам о подвигах внимал...

Века минули в битвах диких.
Стоял незыблемо престол.
Под знаком подвигов великих
Дна не показывал котёл.

Богатый шёл к нему и бедный,
Семейный шёл и холостяк,
Покуда звон ковшей победный
В былинах древних не иссяк,

В степи костёр заката стынет
И властно за душу берёт,
Но где ж ты, древняя святыня,
Объединявшая народ?..

Не в силах удержать пределы
Долин, предгорий и вершин,
Бездарный вождь её на стрелы
Вновь переплавить поспешил.

Былинный дух затмила проза.
Но всё же склонен верить я:
Мерцает в наших душах бронза
Святого скифского литья.

КНЯЗЬ

Князь тот, кто на коне,
А не в толпе столичной.
Сквозь гул эпох и мне
Клич княжий слышен зычный.

На то ведь он и князь,
А не потомок черни.
Почтительно «конязь»
Нарёк его кочевник.

Князь тот, кто на коне
И во главе дружины,
Кто призван на войне
Исполнить долг мужчины.

Князь тот, кто на коне,
Кто, вкус побед изведав,
Опорой стал стране
Во всех великих бедах.

Чья слава громче

Дни бегут за кадром кадр...
Век античный... Небожитель
Македонский Александр —
Ста народов покоритель...

Ну, а грека звёздный тёзка,
На великих не молясь,
Жил по-своему неброско,
Как обычный русский князь.

Не грозил мечом соседу,
Но врагу, чтоб знал, изрёк:
Всяк, на Русь несущий беды,
Не вернётся на порог.

Кто не понял Александра,
На Неве был крепко бит,
Навсегда исчез из кадра,
Опозорен и забыт.

Либо в озеро Чудское
Утянул его доспех...
А признание людское
Поделил наш князь на всех,

Кто стоял с ним слева, справа,
Хоть врагу и нет числа...
Оттого и княжья слава
Многokrатно возросла.

О СЕБЕ, О ДЕДАХ И ОТЦЕ

В семье по счёту пятым малышом,
Сполна коврижек бабкиных отведав,
Я рос, опеки взрослых не лишён,
Но обделённый напрочь лаской дедов.

Иван Климентыч — дед был из крестьян.
Никто в селе его не видел пьяным.
Да был ли в нём хотя б один изьян,
Когда вся Русь была сплошным изьяном?..

Косая сажень, добр, чернобород,
На хитрость не способен и на злобу,
Бывало, лошадь в гору не везёт —
Одной рукой сажал её на попу

И сам, впрягшись, на взгорок фуру вёз
Не хуже подкачавшей «сивки-бурки».
Он делал всё добротнo и всерьёз,
Хотя из букв знал только «аз» да «буки».

Но конь однажды деда не простил
И стал в его пути последней вехой.
Просёлочной дорогой он трусил,
А дед, задумавшись, в телеге ехал.

Жара сморила: тяжело как-никак
Трястись весь день по колеям избитым.
Телега опрокинулась в овраг.
Конь припечатал деда в лоб копытом.

Когда его встречали на крыльце
И шли за гробом молчаливо тупы,
Сияли свято на его лице
Не знающие кариеса зубы...

Иван Семёныч, дедушка другой,—
Служитель культа в церкви захолустной.

Вот с фотоснимка лик его благой
На мир взирает с недомолвкой грустной,

Так, словно бы предчувствуя беду
И свой нелёгкий жребий христианский.
Но, коль о нём сейчас я речь веду,
То не за тем, чтоб приукрасить сказкой.

Он в лихолетье пал от стукача,
Став жертвой оговора и навета.
Быть может, что-то ляпнул сгоряча
По поводу всевластья сельсовета,

Тем предрешив логический финал
(Об этом ныне толковать так модно!).
И знает только Беломорканал,
Где прах его покоится сегодня.

В архивах тонут дедовы дела.
По нём звонит колоколами Китеж:
На водной глади церкви купола,
Каналом проплывая, вдруг увидишь...

Когда беда вставала в полный рост,
То хлеба, то металла не хватало,
Им, осуждённым, было не до звёзд.
Да и легендой их судьба не стала.

О том узнал я лишь спустя года:
О дедушке помалкивали дома.
Ну а отцу в ту пору навсегда
Путь перекрыли к корочкам диплома.

И звёзд потом он тоже не хватал,
Хоть генерала и возил на фронте,
И в облаках особо не витал,
А предан был своей простой работе

И, с головою уходя в дела,
Не сетовал на жизнь свою, как видно...
Но мысль сжигает душу мне дотла
О мужиках, загубленных невинно.

ЕРМАК

По глухим сибирским рекам
Вёл Ермак свои ладьи.
— Кто они? — остяк кумекал
В тьме таёжной у нодьи.

Скулы жаром обдавало,
А по коже — мураши.
— Зло напасти небывалой
Отвести, шаман, спеши!

Новый враг не знает чума,
А возводит города.
Закатился век Кучума.
Гибнет Синяя Орда.

Не осилит грозной мощи
Войско верных ей князьков,
Ведь колчаны хана тощи:
Гром в пищалях казаков.

В битвах лют метатель молний.
И вогулу, остяку,
Чем сжимать копьё в ладони,
Лучше спрятаться в тайгу.

А пришельцы, как ни падки
До куницы и песца,
Не найдут путей в распадки,
Где нет промыслу конца.

Вряд ли кто на свете белом
Превзойдёт в охоте нас,
Помешает верным стрелам
Поражать зверюшек в глаз...

...А меж тем, подобно палу
Или рельсам на Тайшет,
Русь упорно наступала
На Сибирь без лишних жертв.

Лишь прославленные кости
Атамана Ермака,
Заглянувшего к ней в гости,
Погребла Иртыш-река.

Да людишек безымянных
За разгульство за своё,
То пустых, то полупьяных,
Топь прибрала да зверьё...

Сотни речек полноводных,
Свет несущих в каждый двор,
На Руси родной, свободной
Покорилось нам с тех пор.

Почему ж, судьбой довольна,
Ты, страна, грустишь, пока
Над тайгой витает вольно
Тень казачья Ермака?

КАЗАКИ

Опора русского престола —
Простой казак и атаман —
Казачье воинство Христово
Всегда громило басурман.

Сдавались чуждые столицы
Под посвист шашек, конский храп
На милость конникам станичным,
Летящим на семи ветрах,

Когда под их лихим напором
Ломалась вражеская сталь
И прекращались разговоры
Про государеву печаль.

Беда властителей незрячих
Вся в том, что, к вольнице глухи,
Её пытались расказачить
Они за прошлые грехи.

А чуть события припекали —
Качался трон, трещал доспех —
Поддержки у неё ж искали,
Собратся с силой не успев.

Им землю, волю обещали
Цари, султаны и вожди
И только ложью отвечали,
Когда опасность позади.

Ну а казак — не в том ли ересь —
Прощал им зла неправоту,
И жил, своей молитве вверяясь,
Лелея древнюю мечту.

О солнечном, станичном рае,
Где жить и жить бы, не греша,
Коль справедливость миром правит,
Хоть за душою ни гроша!

ДОМ КНЯЗЕЙ ГАГАРИНЫХ

Прошлым столько нам подарено,
Что нельзя не оценить.
Этот дом князей Гагариных,
Как связующая нить

Меж ушедшим и сегодняшним.
Здесь балы давала знать.
Не купить по ценам розничным
Дней минувших благодать.

Этот дом — корабль трёхпалубный.
Он в грядущее плывёт.
Честь воздать такому надо бы,
Если он в веках живёт,

Если в нём блуждают тенями
(А ведь был здесь и дурдом)
Неразгаданные гении,
Обдавая души льдом.

А вокруг — событий марево.
Что вздыхать нам зря о том,
Если новые Гагарины
Рвутся в космос чередом?

Если время так закручено:
Не поймёшь, где свет, где мрак,
И найти ему созвучие
В наши годы трудно так?

Я — ПОЛЫНОК

От рока никуда не деться.
Судьбу нам вверили отцы,
Оставив сыновьям в наследство
На сердце трепетном рубцы.

Ведь в жизни было столько боли,
Несправедливости людской!..
Я — полынок в широком поле,
Где ветры стонут день-деньской,

Где ночь встречается с закатом,
А с ночью — новая заря,
Где камень на холме покато
Поставлен предками не зря.

И мне не надо лучшей доли,
Куска землицы пожирней...
Я — полынок в широком поле
От сизых листьев до корней.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО

Все мы: индоевропейцы,
Чёрной Африки сыны
И китайцы, и корейцы —
На планете рождены

Не для войн или разборов —
Чьи там нефть и ширь тайги?..
Не решат извечных споров
Заскорузлые враги.

Пусть в рассрочку, а не разом,
С запозданьем пусть, а всё ж,
Разрешит проблемы разум,
А не зависть и грабёж.

Сплетены мы, словно ветки.
И понять давно пора:
От Адама наши предки
И Адамова ребра.

II. ПОРЕЧЬЕ

САМАРСКАЯ ИЗЛУЧИНА

Исхожена, изучена,
Скажу без похвальбы,
Самарская излучина —
Виток моей судьбы.

Далёких дней события
Здесь проще расценить:
Отъезды и отплытия
В одну свивались нить.

Единой цепью скованы,
Живут в моей душе
Берёзы подмосковные,
Боры на Иртыше.

Казахский мелкосопочник,
Ущелья Крымских гор
И галька пляжей сочинских
Мне снятся до сих пор.

Поля, леса дремучие —
Я их познать хотел...
Но лишь в тебе, излучина,
Исток мой и предел.

ПОРУБЕЖЬЕ

I

Ах, какие просторы, о Боже!
Где-то здесь вот у волжских скал
Богом данный Богдан Барбоша
Атаманом прославленным стал.

Здесь Ермак, Кудеяр и Стенька
Вкус свободы познали сполна.
И не зря вспоминает частенько
Их народ и вся наша страна.

II

А ещё помнит Волга
Тень орла над курганом,
Кабана или волка
Да сайгака с тарпаном.

Лютовал здесь кочевник,
Бил ушкуйник ордынца,
Ждал аркан да ошейник
Всех, кто плохо укрылся.

Но заманчива воля,
Бродит брагою сила...
Храбрых Дикое поле
Рать за ратью кормило,

Склонных к торгу, разбою
И к труду землепашца...
Проторённой тропой
Шли священник и паства.

У СЕЛА ПЕРЕВОЛОКИ

Волга. Свет небес высоких,
Неизбывная краса!
У села Переволоки
Обновлённая Уса.

Шире стала и раздольней,
Гордый нрав её таков,
Что с грустинкою невольной
Различишь во тьме веков:

Не изгладились поныне
Городка булгар валы...
Коршун лишь витает в сини,
Где охотились орлы.

Отчего они, двуглавы,
Распластались на гербах?..
В том виновны чем иль правы
Мы, с душою нараспах?..

Нам, как прежде, мало шири,
На устах полынный вкус.
От Поволжья до Сибири,
Намотав сто бед на ус,

Здесь не сгибли под пятою
Ни татарин, ни чуваш —
Край с историей седою,
Незабвенный светоч наш!

Всё проходит: даты, сроки,
Блёклость буден, чудеса,
Но, как синь небес высоких,
Вечны Волга и Уса!

Где лишь кони степные
Вдаль скакали намётом,
Под крестами святыми
Встал умёт за умётом.

На дороге торговой,
Обновлению рады,
Разрастались, суровы,
Укреплённые грады.

III

Заселял народец свежий
Край, где воля многим снилась.
По Заволжью порубежье
За волной волна катилось...

IV

....Грозный клич «Сарынь на кичку!»
Смолк давно над Жигулями.
Слышно только электричку
Над раздольными полями.

Золотое нив безбрежье
Хлеборобы здесь взрастили.
Там, где было порубежье,—
Ширь глубинная России.

Сквозь туман легенды старой,
Седину веков и муки
Величавая Самара
Проступает на излуке.

Миллионный мегаполис,
Сердце Среднего Поволжья...
Поклонюсь ему я в пояс:
Знать, свершилась воля Божья —

Место гиблое, медвежье
Люди в город превратили,
Воплотивши порубежье
В коренной район России.

ГРАДУ ОКТЯБРЬСКУ

Град Октябрьск, скажу без лести,
Ты у Волги у реки
Славной станцией известен
Под названьем Батраки.

И в текучке дней мятежных
Знал ты радость и беду.
Выпекал ли для проезжих
Караваи на поду

Или славился садами
Да упорными людьми —
Как пейзаж в богатой раме,
Очищать ты мог умы

От столичного налёта
И апломба дураков,
Ведь в провинции есть что-то,
Чтоб узнать кто ты таков.

Повинуясь сердца стуку,
Звал ты в новые места
И тянул к востоку руку
Знаменитого моста.

По нему бегли составы
На Урал и на Байкал.
Не искал ты громкой славы,
Лёгкой жизни не искал.

Городок на Средней Волге,
Словно звёздочка в ночи.
Выводил ты в люди многих
Славных женщин и мужчин.

Ах, Октябрьск, необходимый
Узел ста стальных путей,
Ты вознёсся над рутинной
Многих судеб и идей.

И несёшь свой крест трудяги,
Рядового всей страны.
Делу чести и присяге
Сыновья твои верны!

ДВА КРЕМЛЯ

В Канадее разрушается кремль,
памятник архитектуры
XVII века*

На одной защитной линии
В нашем крае — ё-моё! —
Мы врагу дорогу клинили,
Государство чтя своё.

Кремль сызранский, канадейский,
Ваш ваятель был простой,
Вы ж вставали в чудном блеске
На Руси моей святой.

Шёл на вас лихой кочевник
На коне и в полный рост,
Не усвоивши речений:
Против нас, как против звёзд.

Кто с мечом к нам, тот в могилу
Самый верный кандидат.
Словом, Боже, нас помилуй!
Зори наши — не закат.

И до ужаса обидно:
Витязь в солнечных лучах —
Кремль сызранский с Волги видно —
Канадейский же — зачах!

* Канадей — село (ранее — город) на берегу Волги, основанное в XVII веке для охраны волжских путей.

ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА

Вот и Сызрань обрела
Блеск своей оправы —
Золотые купола —
Символ русской славы.

И церковный благовест
С колоколен-башен
Слышен всем, из дальних мест
К храму путь избравшим,

Ведь заря не зря зажгла
В сумраке неброском
Золотые купола
На холме кремлёвском.

САМАРА

Осень тихо листала странички,
Дым сирени ль клубился в окне —
Я в Самару спешил в электричке,
В «Метеоре» скользил по волне,

Подлетал ли потомком Икара
К Жигулям с берегов Иртыша —
Ты объятия Волги, Самара,
Раскрывала, всегда хороша.

Доводилось грустить, веселиться
Здесь в кругу незабвенных друзей.
Ты манила к себе как столица —
Лучший город губернии всей.

На взаимность имею ли право?
В облаках не намерен витать:
Нежных чувств золотая отрава
Листопадной печали под стать.

От её рокового угара
Не избавиться, не устоять...
Ах, Самара моя ты, Самара,
Мне пределов твоих не объять!

О САМАРЕ И САМОВАРЕ

Знаменитейшего самовара,
Как у Тулы, в судьбе её нет,
Но зато сотни раз стартовала
Мысль Самары под грохот ракет

К величаво мерцающим звёздам,
В беспредельность вселенских пучин.
Всё ли шло в соответствии с ГОСТом,
С твёрдой волей российских мужчин?..

Был тогда по душе тульский пряник,
Ну а с ним — самоварчик и мёд,
Если Русь наша, духом воспрянув,
Знала, чем всех на свете проймёт.

У Самары ж и в праздник, и в будни,
На иной ли, на этот ли счёт —
В небе — лайнер, а в космосе — спутник —
Перед миром особый отчёт.

Есть ли время ей до самовара?..
На пороге грядущих забот
Знаю: их одолеет Самара,
Как и весь наш двужильный народ!

* * *

Не подражая кулику,
Что кочку собственную славит,
Воспеть Самарскую Луку,
Как никогда, я нынче вправе.

Ведь ни на миг я не солгу
Ни пред собой, ни перед Богом
Ни про бурёнок на лугу,
Ни про туманы по отрогам,

Где в плеть свиваются ужи,
И брачный танец их роскошен,
А в ясном небе виражи
Торжественно свершает коршун.

Здесь мне Самарская Лука
Клочок оставила таёжный.
В нём есть брусничные лога,
Гриб благородный есть и ложный.

Она мне завещала впредь,
Народа ощущая локоть,
Светло в грядущее смотреть
И сладко так по-волжски окать.

Клонясь к закату огню,
Пусть в чём-то я и повторяюсь,
Но честь волжанина ценю
И оправдать её стараюсь.

ПОРЕЧЬЕ

Листком, увядшим в октябре,
Прошелестело слово мне — «поречье»,
Его не смог найти и в словаре,
Где лишь весна да солнце, да скворешня...

А жизнь моя прошла у славных рек,
Вовек не позабуду я Сызранку.
Она — мой самый главный берег,
С неё всё выше поднимал я планку.

Большой реки приволье и размах
Познал я вскоре, повзрослев немного.
Она в сердцах российских и умах —
Царица русских рек — родная Волга.

Звал Казахстан, Кавказ или Урал,
Иные горы, города и речки,
Но никогда я связи не терял
С тобой, моё родимое поречье.

Познал я воды Иртыша, Днепра,
И Селенгу, и Вислу мерил взглядом...
На встречи с ними жизнь была щедра,
Но берег Волги оставался рядом.

И сколько б по планете не плутал,
Какая б в мире не манила доля —
Всегда незримо надо мной витал
Заветный образ волжского раздолья.

СЕРЁДЫШ

Для меня в зените лета
Эта заводь, этот мыс —
Словно рифма для поэта,
Окрыляющая мысль.

Столько их на Волге нашей
Неприметных островов —
Не смогли к названию даже
Подобрать достойных слов.

И слывёт он как Серёдыш —
Детства солнечного часть,
Для реки ж — крючок-заглотыш,
Если Волга — рыба пасть.

На прославленной излуке
Волги-матушки-реки
В камышах плескались щуки,
Глубь терзали судаки...

Были редкими трофеи.
В том-то ведь и прелесть вся!
Ветерок вечерний веял,
Вкус свободы привнося.

И, людских забот не зная,
Завершением стиха
Окрыляла ночь — тройная,
Незабвенная уха.

ВЯЗОВКА

*Ой, Вязовка, Вязовка,
Перелески, луга!
Ты тепла, как обновка,
И, как синь, дорога...*
Александр Никифоров

Вязовка для меня — не просто вязы,
А память детства, Ариадны нить.
Сюда ещё мальчонкой долговязым
Я приезжал сорожек половить.

Слюдой мерцали здешние озёра.
Нырлял за тучу месяц молодой.
Казалось: взрослым буду я не скоро.
А вот, поди ж ты, волос уж седой.

Но, любопытен, как во время оно,
Вновь замираю среди речных долин:
Куда же это с Чёрного Затона
Свой бредень тянет журавлиный клин?

И на просторе старицы широкой
Куда спешит, опережая мрак,
Тревожа тишину сомовьим «квоком»,
Едва заметный в сумраке рыбак?..

Непостижимы вздохи волн прохладных.
В них вечной тайны призрачная суть,
Но дым костра, как нитка Ариадны,
В забытый день прокладывает путь.

ВАРЛАМОВО

Такого места славного
Нет на планете всей.
Посёлок мой Варламово,
Ты — соль судьбы моей.

В годину бурь бушующих,
В дни споров о былом
Ты стал звеном связующим
Меж городом — селом.

И это замечательно!
Хвала за то судьбе,
Что сердцем окончательно
Я прикипел к тебе,

К полям, шуршащим колосом
На лёгком ветерке,
К лесам, что за околицей
Синеют вдалеке.

К речушке Крымзе, молодо
Бегущей вдаль, журча,
В лазурь вплетая золото
Рассветного луча...

Ах, если жизнь бы заново
Начать я только мог!..
Варламово, Варламово —
Заветный уголок.

СМОЛЬКИНО

Всех милей на свете стали
Для потомственных смольчан
Этот бор и эти дали,
Светлый путь к Семи ключам.

Этот мир обжит, освоен
И от трелей птиц оглох.
Воздух на смоле настоян,
Проступившей из стволов

Гулких сосен. Нет здесь чада,
Едких выхлопов машин...
Здесь живут они, как надо, —
Мать, отец и дочь, и сын...

Дни струятся неторопко,
Как раздольная река.
Немудрёной жизни тропка
Вряд ли хуже большака.

III. МОСТОВАЯ

ПЛАЧ РУССКОЙ ИЗБЫ

Путь-дорога не проста
От рождения к могиле.
С чистой верою в Христа,
Как в тумане все мы жили.

Лишь наличников резьба
Да погосты всё, погосты...
На Руси что ни изба,
То скатившиеся звёзды

За свинцовый горизонт.
Их так много не случайно:
Мор ли, голод или фронт,
Или злых наветов тайна...

Жаль! Но сколько бы судьба
В прошлом предков ни скосила —
Плачет русская изба
До сих пор, как вся Россия.

Бездну сил нам всем напярчь
Предстоит в упорстве строгом,
Чтоб остался этот плач
За крутым её порогом.

ЗОЛОТОЮ МЕРОЙ ЖИТА

Сколько было пережито
В щедрый год и в недород,
Чтоб взрастить в России жито,
Накормить родной народ!

То дожди, то суховеи,
То проклятая война...
Но в успех крестьянин верил,
Мудрость пахаря храня:

Будет жито — будет семя
И ватрушка, и сухарь.
Урожаем мерить время
Хлебороб привык, как встарь,

Ведь душа его так сшита,
Что готов он полной всклень
Золотою мерой жита
Нам дарить грядущий день.

МОСТОВАЯ

I

Мудрой силы не скрывая,
С незапамятных времён
Вдаль уводит мостовая
Всех, кто глуп и кто умён,

Кто на бой идёт с усмешкой:
Не страшит его борьба,
Либо ждёт: орлом иль решкой
Выпадет ему судьба.

Но кто знает, как мы будем
Жить, расклад её кляня:
Обернётся ль серость буден
Сказкой праздничного дня?

Размахнётся ль мостовая
Разноцветием знамён,
Ликованья не скрывая
Всех народов и племён?..

II

Мир суровый открывая,
Дух кочующих крепя,
Пропускает мостовая
Наши судьбы сквозь себя.

На её крутых ухабах
Стынет призрачная мгла.
Здесь испытывали слабых,
Чтоб асфальтом жизнь легла.

Здесь испытывали ближних
На любовь и на разрыв,
Оттого любой булыжник —
И вершина, и обрыв.

Торопясь и отставая,
То уводит в никуда,
То заносит мостовая
Нас в застойные года.

Впрочем, были ли застойны
Те года когда-нибудь,
Если мир и труд — не войны —
Составляли всю их суть?

Мы с тех пор поднаторели
Хлам былой швырять за борт...
Ах, какие акварели
Там, где должен быть офорт!

ДУСЯ-НАДЗИРАТЕЛЬНИЦА

В очередях нашла почёт
И выгоды благие
Всех знавшая наперечёт
Царь-баба Евдокия.

Не пролететь и комару,
Коль Дуся у прилавка.
Ей мысль бальзамом по нутру,
Что может вспыхнуть давка.

Но чуть накатится волна
Сурово и гневливо,
Как на пути встаёт стена,
Незыблема на диво:

— А ну, куда ты прёшь, шельмец!
И ты, табань с прохода!..
А эту фифочку — в конец:
Жена врага народа...

Глядь, и построились все в ряд,
Тупы, как зэки в зоне.
И вот уж всякий Дунин взгляд,
Как взгляд вора в законе.

... Давно тех лет истаял снег,
Но, как мне ни печально,
А в душу врезалось навек
Страны с вождём прощанье.

Стояли в тот промозглый день
Мы в очередь за хлебом.
Как вдруг отца народов тень
Качнулась чёрным пледом.

Тон скорби задал Левитан,
Потом — гудки, сирены...
В ней пробы сталинской металл
Гудел над всей Вселенной.

И Дуся времени закон
Вдруг выразила ясно:
— Вот расстреляли б нас, а он
Остался жить. Согласны?..

Мы обомлели все тогда,
Соображая туго,
Но дружно выдохнули: « Да!»—
Не глядя друг на друга.

В УПРЁК ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ

Москва сама, как Калита,
И калитят всё множит.
Элита давит, как плита,
И всё обрушить может.

Ей щедро платят за «труды»
И туз, тельцу продавшись,
И тот, кто в скорбный час беды
На плечи примет тяжесть.

Москва — бордель и суета,
Да нищие по нишам.
Она распалась на цвета.
И красный цвет принижен.

А как когда-то он витал
Над площадями, вольный!
Но всё презреннейший металл
Затмил в первопрестольной,

Где власть пронырами взята
И рыла в ней суконны.
Москва распалась на цвета,
Поправши все законы.

Колокола ещё гудут,
Затмив народа стоны,
Но годы смутные грядут.
И в торг идут иконы,

Квартиры, чеки и права,
И должностные лица...
Остановись на миг, Москва:
Ты как-никак — столица!

ДУША И РЫНОК

Правы вы или не правы —
Вам бес ответ подсунет ловко:
Мол, человечество, увы, —
Одна глупейшая тусовка.

Ему бы только пить да жрать,
А не молиться в Божьем храме,
Где тщетно херувимов рать
Шуршит безгрешными крылами.

Кто совесть продаёт за грош,
Кто — дым Отчизны за Мальдивы,
А мне б хотелось в жизни всё ж
До слёз прочувствовать порывы

Души мятущейся, живой,
Впитавшей рифм полёт небесный.
А этот рынок вещево́й
Пусть остаётся прозой местной.

РАВНОДЕНСТВИЕ

Адольф не зря войны началом
Глухой, рассветный час избрал.
Волна созвездия качала
И мирно билась о причал.

Дремали куры на насесте,
В конюшне жеребец храпел,
Пока с орудиями вместе
Петух с испугу не пропел.

И твердь небесная разверзлась,
Разверзлись разом сушь и хлябь,
И навалилась неизвестность,
А рты заткнул несчастья кляп.

Поверить страшно в это было:
Страна под вражьем сапогом
Не фронтом оказалась — тылом,
Беспомощным перед врагом.

Какая тут уж схватка, драка,
Когда в патронниках — нули,
А полководцы из ГУЛАГа
Ещё в окопы не пришли?..

Фашист глумился над Россией,
Но и сам фюрер знать не знал:
Сравнимся через год мы силой,
Победы выстрадав финал.

Не выйдет наглый «дранк нах остен»
И бесноватого «блиц криг».
На том пути фашистов кости
Устелют щедро материк.

Пусть США с Европой лавры
Стремятся ныне поделить,
А кто-то пишет мемуары,
Свою оправдывая прыть,—

Мы не уступим им и метра,
Привычны быть настороже,
И, память павших славя щедро,
Впредь не расслабимся уже.

ПРЕДВЫБОРНОЕ

От программок-обещалок
Рябь в глазах, туман в башке.
Ах, приятель, ты ль не жалок,
Получив kota в мешке?

Не в натуре — так в конверте.
Вникни в «щедрую» строку:
Врут ли «белые медведи»,
Лгут ли «Яблоки» в снегу?..

Притупился серп. А молот
Разъедать уж стала ржа.
Правых сил заморский Молох
Превращается в ежа.

Либералы рвутся к цели.
Им присущ иной недуг:
Так орут, что слышен еле
Наш сердечный перестук.

От программок-обещалок
Скучно даже пацанам.
Что бы кем там ни решалось —
Вряд ли в радость станет нам.

«МЫСЛИТЕЛЬ»

Народа бедами серьёзными
Себя не мучая, речист,
Он за роденовскими позами
Скрывал, как на руку нечист.

Пока повсюду храмы рушили,
Пошевелить не смел перстом,
Зато в «пресветлое грядущее»
Лез, осенив себя крестом.

В союзе с прочими пронырами,
Иных не ведая идей,
Кусками в мышеловке жирными
Прельщал доверчивых людей.

Когда ж мы сыр свой проворонили,
А с ним — и истину саму,
Банкирам оказался ровнею,
Не по деньгам — так по уму.

То слишком хищный, а то — плюшевый,
То бурый, то белее всех,
Делец нахраписто-услужливый
Уже в Кремле искал успех.

С мечтой о президентской близости
Освоил теннис, каратэ,
Мелькал в политике и бизнесе,
В рекламных шоу и т.д.

Скопив богатство миллионное,
Былую не утратил прыть.
И суть его хамелеонную
Нам предстоит ещё раскрыть.

* * *

Такое уж время. Оно,
В потёмках ли, в света ль потоках,
То общности счастьем полно,
То грустью сердец одиноких.

Свиваясь в тугие жгуты,
Слепым воплощеньем эпохи
То рушит жестоко мечты,
То радости дарит нам крохи,

Чтоб мудростью всех наделить
В надежде на лучшее в жизни.
И это нельзя не ценить
В оставленной Богом Отчизне.

СУРОВАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

Войны неподкупная правда,
Судьбы непреложная суть.
Суровым когортам парада
Былого не перечеркнуть.

Настигнет оно — былое —
И праздника смоем следы.
Трагический реквием боя
Нахлынет сознанием беды.

Противника злые атаки
Всё яростней, всё страшней.
Вновь танков кровавые траки
Утюжат морщины траншей.

Плюются железные звери
Снарядным огнём и свинцом.
И кто там измерит потери
У смерти перед лицом?

Ах, сколько же надо отваги
И крепости пламенных душ,
Чтоб взмыли победные флаги
И грянули залпы «катюш»!

Победе Отчизна ль не рада?
Постыл ей терновый венец,
Но правда, суровая правда —
Её не изгнать из сердец.

О ФРОНТОВЫХ СТА ГРАММАХ

В миг затишья о павших грустите
С тайной мыслью, что, видимо, зря
В скорбный список спешили внести их
Слишком рьяные писаря.

Но сто граммов из «боезапаса»
Старшина в память их извлечёт.
Интендант же не выдаст, зараза,
Даже трети пайка на сей счёт.

А сто граммов, солдатских сто граммов —
Всем за совесть, а не за страх.
Их достойны живые на равных
С теми, чей упокоился прах.

Эта малая чарка — отрада,
Коль патронов нет даже во сне.
У стрелков же из заградотряда
Их, конечно, хватает вполне.

Но без клича, затёртого всеу,
Вы уйдёте под сень серых плит,
Не геройствуя и не рисуясь,
А как долг вам гражданский велит.

Чтоб в азарте жестокой атаки
Превозмочь страха жуткую власть,
Пригубив обжигающей влаги
Перед тем, как в бессмертье упасть.

МАСТЕР

Мастак и мастер — два привычных слова.
Они известны многим с ПТУ.
В них яркий отблеск славного былого
И схвачена реальность на лету.

Какие ни случались бы напасти —
Народ не опускал безвольно крыл.
К станку мальчишек вёл привычно мастер
И волшебство профессии дарил.

Такая у него на свете доля,
Такая удивительная власть
Над пареньком, запущенным дотоле,
Не дать ему споткнуться и упасть.

Ах, как порой нужна его подсказка
Герою подворотен городских,
Пока в душе рабочая закваска
Не перебродит в песню или стих!

Поёт станок, спирали стружки вьются.
Судьбы уж не качаются весы,
Коль мастера приёмы удаются
И прячет сам улыбку он в усы.

ЕГО СУДЬБА

От будней серых и тягучих,
Да от мешков и от кулей
Стал ниже ростом этот грузчик.
Стал ниже ростом и сильней.

Живёт с семьёй в старинном доме
Он по-солдатски налегке.
И даже спит не на ладони,
А на шершавом кулаке.

С друзьями едкую махорку
Смолит с утра. А если пьёт —
Из пиджака ржаную корку
В табачных крупках достаёт.

Но не забыться и в запое.
Об этом знает и жена,
Что, вынося его из боя
Под Ельней, зренья лишена.

Ведь даже в праздничном застолье
Средь внуков, снох и сыновей
Супруг сжимается от боли
Под гнётом памяти своей:

— Эх, детки милые, простите!
Не всё дано вам понимать,
Но пуще жизни берегите
Свою заботливую мать!..

И обожжёт слеза солдата,
И, горше всякого вина,
В стакан сорвётся. И тогда-то
Плясать поднимется жена.

Она по голосу узнает,
Как нервно дёрнет он щекой.
Но не поймёт, что доконает
Супруга чуткостью такой.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО «НАДО!»

От окопов Сталинграда,
Баррикад на Красной Пресне
Золотое слово — «надо!» —
Нам звучит подобно песне.

Дерзновенно и сурово,
Как развёрнутое знамя,
Вдохновляет это слово,
Не затёртое с годами.

И его синоним — «нужно!» —
Из разряда слов былинных.
С ним степей безбрежных вьюжность
Обживал первоцелинник,

Направлял рыбаки свой сейнер
В штормовое море смело.
Это слово перед всеми
Душу ставит выше тела.

В день минувший и грядущий
В нём одна сквозит природа,
Что во все века присуща
Духу русского народа.

К МОЛОДЫМ

Я спрошу — ну а вы мне ответите —
Разве ж кто-то из нас не хотел,
Чтобы было поменьше патетики,
Чтобы было побольше дел?!

Всё, что было забыто, поругано,
Оклеветано, сожжено,
Будет поднято вновь как оружие.
И нести его нам суждено

На чинуш, окопавшихся намертво,
На создателей пут и рутин.
Мы сегодня в долгу перед памятью
Всех, кто пестовал нас и растил,

Кто в течение века двадцатого
В жизнь врубался клинком и киркой,
За всеобщее равенство ратовал,
Всей душой отвергая покой.

НИКОЛАЮ ОСТРОВСКОМУ

Самая читаемая в Китае книга —
«Как закалялась сталь».
Из сообщений прессы

Весь точно из воли и острых углов,
Как будто при жизни из камня высечен,
Островский, на сколько эпох и веков
Для юных ты будешь критерием высшим

Служения долгу, идее, стране,
Служенья захлёб, без наград, без оглядки?..
К постели прикованный, сам на спине,
Умел ты и смерть положить на лопатки.

Ты с нами. Ты снова из праха встаёшь,
И меркнут, и блёкнут иконные лики.
И ширится грозное слово «даёшь!» —
В одном воплощённое яростном крике.

И в этом есть мудрость своя и залог
Такого же в светлом грядущем величья,
Ведь жизнь для героя — всего лишь пролог,
Где нет ни минуты подумать о личном.

СИТУАЦИЯ

Как глупо всё перемешалось
В искусстве, в жизни и в быту!
Идём ко дну — какая жалость! —
Из лодки выпав на ходу.

Но, выживая, выплываем,
Кто стилем кроль, кто стилем брасс,
И рты, как рыбы, разеваем.
Да только слышит ли кто нас?

Одни, погрязшие в обмане,
В обнимку с кралею вечерком
Глодают устриц в ресторане,
Их запивая коньяком.

Другие тоже не исчезли —
Среди свалившихся корон
Схватили маршальские жезлы
И прут прямёхонько на трон.

А третьи — по боку проблемы —
Таких пора бы гнать взащей —
Подзаряжают воду, «крэмы»,
Лапшу готовят для ушей.

Поэт же, истину изведав,
Средь половодья грязи чист,
Трубит о всех вселенских бедах
И в бездну падает, как лист.

И при таком-то вот раскладе
Вопрос о будущем не прост
Для одолевших Бога ради
Развал Союза и «Норд-Ост».

СТОЛИЧНОЕ МЕТРО

Метро столичного магнит,
Заря едва забрезжит,
И москвичей к себе манит,
И россиян заезжих.

На эскалаторе с утра
И до глубокой ночи
Бочком стоят профессора
Среди простых рабочих,

Студент теснится или клерк...
Как волны в лёгкой пене,
Кого-то вниз, кого-то вверх
Несут, несут ступени.

Ни в чём не ведая границ,
Столица, землю роя,
Одела в мрамор и гранит
Шедевры «Метростроя».

В них малахита зелень, яшм
Алтайских многоцветье —
Подземной сказкою... Меня ж
Судьба несёт в столетье,

Где злых реклам люминесцент
Дрожит в глазах усталых...
Но выходить настал момент
На площадь трёх вокзалов.

ДОБРОТНЫЕ ХАТЫ И СЕРЫЕ ИЗБЫ

Ах, кубанские хаты добротные!
Кумачовый колор кирпича
И сирени цвета благородные,
Абрикосы в садах, алыча...

А в иные закатаешься области,
И померкнет вдруг солнечный диск:
В деревенской утонешь убогости
С нескончаемой серостью изб.

Хоть давно над обломками свастики
Горделиво вознёсся наш флаг,
Не избавились мы от схоластики,
Не вкусили всех жизненных благ.

Их познала Европа-счастливица,
Вековые устои цена.
И во что наша будничность выльется
На ухабах грядущего дня?

А ведь живы таланты народные
И изюминка в каждом своя.
Что ж нам сделать, чтоб избы добротные
Украшали и эти края?

ИНЫХ НЕ ЖДУ ПРИОРИТЕТОВ

В глубинке вдоволь бед отведав,
Судьбой неоднократно бит,
Иных не жду приоритетов,
Чем русский неказистый быт.

Не рвался русский Ваня в Ниццу.
С душой, открытой нараспах,
Он газ отправил за границу,
А сам остался на бобах.

Печёт блины ему старуха.
Он в баньке парится, как встарь.
И по фигу ему разруха,
Когда в руке его — стопарь.

И фонд алмазный Ване — на фиг,
И президент сам — на фига,
Коль свой выписывает график
Ванюши левая нога.

В глухой деревне над трубою
Беспечно курится дымок.
Ах, Ваня, Ваня, я с тобою.
Жаль вот не знаю: с нами ль Бог?

ДАЧА

Символ призрачного рая,
Изобилия намёк,
Не хоромом, так сараем
Я его украсить смог,

Ведь в России, как ни странно,
Дача — всё: и сто потов,
И чудесная нирвана
После дьявольских трудов.

Я здесь время не теряю
С Вербного до Покрова,
Лишь невольно замираю,
Вида в цвете дерева.

* * *

У России много конкурентов,
Но она всё выдюжит, пока
Всё зависит не от президентов —
От сермяжной воли мужика,

От судьбы натруженного люда,
От всего, к чему мужик досуж.
Как бы в жизни не было нам худо —
Хуже нет смиренья сирых душ.

Боль смахнув, расправь, Россия, крылья,
Устремись в безбрежный небосвод,
Напряги последние усилия —
И достигни солнечных высот!

* * *

Всё так солнечно и бело!
Миру быть по всем статьям.
Только жаль вот: нет предела
Необузданным страстям,

Если тлеют по России
Очаги, увы, не те,
Что уют в дома вносили
Всех, кто жил по простоте,

Не вставал стеной на брата,
Веря в дружбу и успех,
Ведь Россия так богата —
Хватит хлебушка на всех!

ЧЕЧНЯ

Зелёное знамя,
В глазах — пелена...
Пучиной меж нами
Разверзлась война.

Не верится даже:
Войною объят,
Весь мир — в камуфляже
С макушки до пят.

Врагу на утеху
В который уж раз
Чеченец морпеху
Готовит фугас.

Рванёт он коварно
На марше броню.
Российскому парню
Не видеть родню.

В руинах томятся
Шатой и Моздок.
Ну как примирятся
Тут совесть и долг?

Крепись же, мужчина,
Ведь что за нужда,
Коль в душах пучиной
Меж нами — вражда!

* * *

В кипенье мирных буден и в борьбе —
Насколько б их судьба не возносила —
Мужчины не принадлежат себе,
И в этом их величие и сила.

Высокий долг их вёл во все века
По ратным и нехоженным дорогам,
В сраженьях крепили воля и рука,
А мужество считалось главным богом.

Хрипели гимны в войсковой трубе,
Ломались в схватках копыя, как лучины,
Мужчины, не принадлежа себе,
На то имели веские причины.

А вот теперь, обычаи предав,
Они не ищут праведных обрядов,
И с каждым днём всё меньше их в рядах
Не вдвое и не втрое — на порядок.

Так легион героев оскудел,
Что там, где был орёл, сегодня решка,
Чьей доблестью отныне — беспредел,
Романтикою — киллера усмешка.

* * *

А ветры лютуют от баса до альта.
Полшага от туша нам и до туше.
А на перекрёстках заплаты асфальта,
Как будто заплаты на нашей душе.

На рынке — картошка, капуста, арбузы,
Последние ягоды в этом году.
А рядом — кассеты в лоточке кургузом
И ложка не тонет в янтарном меду.

Не действие — действие на грани злодейства.
Такие приёмчики ныне в ходу.
Аптечные средства. Картинки из детства...
И я, неприкаянный, мимо иду.

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

Отчего зовём самокопаньем
Это счастье вперемешку с грустью,
Русые красавицы и парни,
Так удачно названные Русью?

Оттого ль, что сил у нас в избытке?
Оттого ль, что жизнь не упрощаем
Ни в дворце роскошном, ни в кибитке
За бутылкой бренди иль за чаем.

А, по сути, многого ли надо,
Если есть и молодость, и силы?
Не лепилась только б «с краю хата»,
Не хирели б отчие могилы.

IV. КАМЕРТОН

ВСТУПАЯ В НОВУЮ ЭПОХУ

Мы — времени трагического дети,
Познавшие и войны, и прогресс,
В тысячелетие вступая третье,
Как будто входим в незнакомый лес.

А время — это речка без начала.
А время — это речка без конца.
И сомневаться смертным не пристало
В непостижимых действиях Творца.

События идут привычным ходом.
Мы ж придаём и важность им, и вес,
Привносим в их течение с каждым годом
Неповторимость собственных чудес.

МЫ — И ВРЕМЯ

Хронически страдая малокровием,
Мы столько крови отдали стране!
То разрушали, то, разрушив, строили,
Кто по своей, кто по чужой вине.

Пройдя сквозь революции, сквозь войны ли,
Не хныкали мы в стуже и в огне.
И кто сказал, что жили мы в застойные?
Теперь года застойнее вдвойне.

Забыт союз рабочего с крестьянином.
И профсоюзы взяты на испуг.
Но подняты на щит не честь и знания,
А алчность и расчётливость хапуг.

* * *

Не упаду в рыданиях о прошлом
На судеб современном вираже,
Но трижды вспомню всё же о хорошем,
Что было, что осталось на душе.

Я знаю о войне не по наслышке.
Но что и как наматывать на ус
Мы, пацаны, зелёные мальчишки,
На собственный определяли вкус.

Карабкалось на горку наше детство
Под градом злых обид и синяков,
Но, если в наше прошлое взглядеться,
Оно прошло у нас без дураков.

КОНСТАТАЦИЯ

Мы раньше делили на всех
Всеобщие радость и горе.
И самый высокий успех
Нуждался в стократном повторе,

Чтоб нос не тянулся в зенит
От гордости, глупой и бравой,
А каждый, кто стал знаменит,
Напрасно не мучился славой.

Ах, как оскудела страна,
Утратив единства идею,
Коль вешает сплошь ордена
На грудь не герою — злодею!

Куда подевался цемент,
Так прочно нас в прошлом скреплявший,
Не знает и сам президент,
Хоть он и мужик настоящий.

* * *

Они сегодня в почестях и силе,
Однажды развалившие Союз.
Ах, дядя Боря, как и с кем вы пили!
И не смущал раскаяния груз?..

И ты, поэт, сознайся и покайся,
Как сам лихой проталкивал «прогресс»,
Враз примилив «проказника» Чубайса
С магическим понятием — интерес.

И до чего ж сегодня интересно,
Кому на пользу блажь такая шла?
И кто расстался с правдою любезно,
Чтоб сотни душ неправда обожгла?..

Прости, страна! Такие повороты
Мы допустили... Можно ль повторять,
Когда враждуют целые народы —
И некого за это укорять?

ДРУГУ-АФГАНЦУ

То бойким кадром на экране,
То стонами скорбящих муз
Терзает память об Афгане
Всех, кто познал Кабул, Кундуз...

Скажи, братан, куда мы влезли?
Кто сдуру трахнул кулаком?..
Сто минаретов, как сто лезвий.
Не одолеешь их рывком.

К чужой беде мы все не глухи,
Любой готов пойти на смерть,
Но воевали с нами «духи»,
А их так трудно одолеть!

Здесь всё серьёзно без обмана,
Когда дни — ночи напролёт —
То «Стингер» злобного душмана,
То друга сбитый вертолёт...

Во сколько «мягкое подбрюшьё»
Сынам России обошлось?..
Виват, бездушное оружие!
Ура, несправедная злость!

Непредсказуем взрыв снаряда.
Он ширит смертную страду.
Не потускнела б лишь награда,
Бойцом добытая в аду,

Да полыхнул бы вновь с экрана,
Как лик судьбы, непреходящ,
Обратный путь наш из Афгана
До пограничной речки Пяндж.

РУКОПОЖАТИЕ

В дни жарких битв и в дни покоя
С момента миропостиженья
Рукопожатие мужское
Достойно дани уваженья.

С ним друг для друга что-то значим
Мы в настоящем и в дальнейшем.
С ним в жизни так или иначе
Взираем праведней на вещи,

То выражая одобренье
И на успех большие виды,
А то — участие, сожаленье,
Когда срываемся с орбиты...

Оно всему на свете — мера.
В нём неподкупность идеала.
Вмиг выявляем лицемера,
Когда рукопожатье вяло.

* * *

Америка с повадками Трезора
Диктует волю Родине моей.
Не испытывавшим этого позора
Завидую сегодня, ей же ей!

Уж лучше жить в задымленных трущобах,
В союзники ли взять свои кистень,
Чем тосковать о Штатах и Европах,
Набитых всякой дребеденью всклень.

Так отречёмся ж, други, от вещизма,
Не променяем совесть на пустяк.
Ещё жива любимая Отчизна
И дух российский в душах не иссяк.

ОБ УДОБСТВАХ

В Штатах принято хвастать сортиром:
Чудо техники их унитаза.
Помотались они б по квартирам —
И дощатый бы стал в самый раз.

Раскладушка сподручнее койки.
Где угодно она приютит —
И в бараке, и в новостройке
Антуражу не навредит.

В пику благополучной Европе
В мирной жизни и на войне
Обживёмся мы даже в окопе,
А в любой развалюхе — вдвойне.

Мы и впрямь не иссякнем, покуда
Эти тяготы примет любой.
Удивляет заморское чудо:
Без удобства ни в пьянку, ни в бой!

КОШМАР

Век золотой и век серебряный,
Железный век... А наш — какой?
Витают испаренья вредные
Над Волгой-матушкой-рекой.

Своё ли, эха ли Чернобыля
Незримо облако плывёт
Над облетевшей кроной тополя
И ледяной равниной вод

Сквозь руки, к небесам вздетые,
Туда, где пышет солнца шар...
Но не молюсь я и не сетую
На этот нынешний кошмар.

ВЕСНА

Роняет медовые звоны собор
На праздничность улочек вешних.
Скворцы с воробьями затеяли спор
За место под небом — в скворешне.

Влюблённая девушка, сняв капюшон,
Рассыпала кудри льняные.
За ней наблюдаю, смешон и смущён,
Деньки вспоминая иные.

Ведь, если весна набирает разбег,
С души облетает короста,
Асфальт прошивает упрямый побег
И в мире всё ясно и просто.

* * *

Уповая на вечную сложность,
До чего ж мы наивны порой,
Проповедуя осторожность
И на робкие чувства настрой.

Но стократно мудрее и проще
Мир, бесхитростный, как дитя.
В нём причёсаны ближние рощи
Голубым гребешком дождя.

Оживает в стеклярусе радуг
Каждой капельки тайная суть.
И такой торжествует порядок,
Что былинки нельзя зачеркнуть.

ПАСТУХ

Простое звание пастух,
А всё-таки — профессия.
Пускай сложением щупл и сух,
Зато живётся весело.

За ним — овчарка, хвост трубой.
Пройдёт — и не оглянется,
Он в Штатах звался бы ковбой,
Рубаха был и пьяница.

У нас — Иван иль Тимофей,
А подвернётся стопочка —
И на плече его репей,
Как маршальская звёздочка.

* * *

Затянуло небо. Осень
Знобкой пылью моросит,
Словно кто-то между сосен
Поразвесил сотни сит.

И в подлеске всё не мило:
Та же морось, та же стынь.
В бусах капель проступило
Рукоделье паутин.

В эту слякоть по дорогам
Ты бродить уж не горазд.
Тронешь ветку ненароком —
И дождём тебя обдаст.

Скукота и запустенье
В каждой мелочи сквозит.
Где и как найти спасенье
От промозглых этих сит?

* * *

Одолеют пустые желанья
И порывы, и вечная грусть,
Но рассеется облачком тайна,
И спадает с души тяжкий груз.

И вдаваться в причины не стоит:
Кто виновен? Кто воду мутил?
Кто и как посягал на святое?
Всё идёт по закону светил.

Предрешается судеб движенье.
И тускнеют пустые слова.
И, как будто души продолженье,
Среднерусского клёна листва

Полыхает костром на поляне
В хороводе беспечных берёз.
Это осень последних желаний.
Это осень несбыточных грёз.

ОСЕННИЕ ДЕРЕВЬЯ

Не знаю: в тоске или гневе,
Но стоит с дороги сойти —
Увидишь осенних деревьев
Воздетые к небу культя.

Не знаю, о чём они просят,
О чём негодуют они.
Но иinea первая проседь
Легла на щетину стерни.

И нету ни фронта, ни тыла
Для этих деревьев-калек.
К ним голову клонит светило.
К ним птицы летят на ночлег.

И всё-таки им неуютно,
Одетым в мерцающий лёд,
Стоять в ожидании утра
Осеннюю ночь напролёт.

* * *

У природы нет плохой погоды.
Эльдар Рязанов.
Горькое чувство ущербной свободы...
Алексей Решетов.

Всепогодная природа.
Всепогодная страна,
Где свобода для народа
Навсегда обречена

На извечное топтанье
И пустую болтовню,
На людское прозябанье
И пристрастие к огню.

Белый свет всегда был пошлым,
Воплощая естество,
Ну а всё ж мирился с прошлым
И учитывал его.

Только нам-то что за дело,
Как там было и что есть.
Мы привыкли обалдело
Головою в петлю лезть.

СНЕГОПАД

Хоть круг времён и обоснован
Простой моделью колеса —
Стократно мир перелицован.
Лишь белизна слепит глаза.

Куда ни глянь — царят два цвета:
Оттенки черни с серебром.
А жизнь вопросы без ответа
Поставить норовит ребром.

Но этот бег без останова
И эта кругом голова —
Необходимая основа,
Здоровый спутник естества.

Ведь суть движения — в полёте,
В преодолении себя.
А снег ложится, на излёте
Нас отрезвляя и слепя.

ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТТЕНКИ

Зелёной скука не бывает,
Ведь зелень — это цвет весны,
Когда природа оживает
И мы друг в друга влюблены.

И зависть белой быть не может.
Сознание чистое черня,
Она живую душу гложет
С занудной алчностью червя.

И только радость многоцветна.
Счастливый спектр её таков,
Что служит людям беззаветно
На протяжении веков.

И для заблудшего, где б ни был,
Как в полумраке солнца блик,
Он проступает светлым нимбом,
Иконный обрамляя лик.

ЗАВИСТЬ

Непонятной смуты завязь
Проступает всё ясней.
Неужели это — зависть?
Отгони её скорей!

Что завидовать не надо,
С опозданием, а всё ж
На последнем круге ада
Окончательно поймёшь.

А чего б, казалось, проще:
Плюй на блеск чужих богатств,
Выбирай не роскошь — рощу:
Уж она-то не продаст.

А всему тому вдогонку,
Коль в кармане сквознячок,
Не коньяк, а самогонку
Пригуби на посошок.

И тогда — ну, хоть ты тресни! —
Сто обид не огорчит
И не жалобой, а песней
Жизнь земная прозвучит.

* * *

Я рассорился враз со всем светом,
Не вписавшись в его углы.
Но ничуть не жалею об этом,
Не рыдаю над горсткой золы.

Дым рассеется, пепел осядет.
Мутный Терек войдёт в берега.
Чувство с разумом мирно поладят,
Сын в отце не увидит врага.

Разногласий же тайная сущность
Переплавится в нас, как руда.
Повторится ли это в грядущем —
Кто ответит мне: нет или да?..

О ССОРАХ

Плохой мир лучше хорошей ссоры.
Дипломатическая мудрость

Что толку зря конфликтовать,
На ссоры нарываться...
Да, жить непросто, что скрывать,
Но стоит ли срывать?..

Свершить мы многое б смогли
При действиях умелых.
Волна вскипает на мели,
А человек — коль мелок.

ОДИНОЧЕСТВО

Внезапно оказаться сиротой,
Пускай и на году семидесятом,
В квартире, до безумия пустой,
Валяться на матрасе полосатом.

Как-будто бы и сам шагнул за грань,
И не жилец уже ты, а покойник.
Могильный запах издаёт герань,
Украшившая пыльный подоконник.

Ах, как мгновенно пошатнулся мир,
Представший без прикрас под образами!
Лишь прошлое, затёртое до дыр,
Назойливо стоит перед глазами.

* * *

Ах, что бы мы ни делали —
В актив зачтутся нам
Признания несмелые,
Напутствия сынам,

Поступки благородные,
Забытые уже,
И беды всенародные,
И горечь их в душе...

Судьбы слепая мельница
Прокрутит жито лет —
Всё горькое отсеется,
А, может быть, и нет.

УТЕШЕНИЕ

В России, светлой и большой,
На солнечной планете,
Не торопись стареть душой,
Когда есть внуки, дети.

Да, судеб нам уж не вершить.
Уступим это юным
В придачу с правом дорожить
Советом старших умным.

И в семьях воцарится лад,
Где мы не пешки всё же.
Утешит всех такой расклад —
И да спасёт нас Боже!

КАМЕРТОН

Отзывчива на смех и стон,
На жар и хлад вселенной,
Душа поэта — камертон,
Простой и вдохновенный.

Душа поэта — инструмент
Высокого полёта.
Она хрупка. В один момент
Сгорает отчего-то.

То клевета или дуэль,
А то гадюкой — сплетня.
Опасна в океане мель,
На эшафоте — петля...

Но камертон — душа его —
Идей добра во имя
Достигнет всё же своего
Прозрачной струйкой дыма.

НА ТРАУР ПО ЖЕРТВАМ ПОЖАРА В «ХРОМОЙ ЛОШАДИ»

Сбиваться в стаю — юности привычка,
А мудрость одиночеству верна.
Она ему и добрая сестричка,
Она ему и верная жена.

Когда вы и врагов своих простили,
Да и друзей — оглянесь — уж нет,
А на ногах музейные бахилы
Ещё шлифуют жизненный паркет.

На свете столько пройдено ухабов —
Тускнея, блёкнет восковой налёт.
Кто ж вы — из сильных или же из слабых? —
Никто из молодых не разберёт.

Солидный возраст — истинам отмычка,
Ну а мораль трагически черна:
Сбиваться в стаю — глупая привычка,
Но мудрость на закате лишь дана.

«РУССКИМ ВИТЯЗЯМ»

Памяти Игоря Ткаченко

До чего же нелепо:
Как, подобное песне,
Необъятное небо
Стало вдруг для вас тесным?

По нему ль не летали
С твёрдой верой друг в друга
На крылатом металле
Вы со скоростью звука?..

А порой и быстрее —
На потеху эпохе...
Как на вас мы смотрели
Через блицев сполохи,

Через лёгкую дымку
Заблуждений наивных!..
Тучек серые льдинки
Тают в высях орлиных,

Меркнут звёздные трассы
От трагедии каждой.
Ошибаются асы,
Как минёры, однажды.

Но нет жажды острее,
Нет достойнее мысли —
Умереть, не старея,
В покорении выси!

СТОЙКОСТЬ

Огнеборцам посвящается

Заволокло окрестность чёрной тучей.
Как символ пекла — солнца жаркий шар.
Хозяином в лесу царит летучий,
Лихой наездник — верховой пожар.

А в тусклом небе ни дождевки влаги.
Забастовал давно Илья-пророк.
Ручей иссяк в заброшенном овраге.
И это всем трагический урок.

Иссякли в дальних деревнях колодцы.
Ни кружкой, ни бадьёй воды не взять.
И не сдаётся в мире только солнце,
Не устаёт нас, грешных, истязать.

Природа все узлы в один связала.
Даль без просвета... Пан или пропал!
Не зря же бабка мудрая сказала:
— Спасёт ли нас сегодня встречный пал?..

Но вспомним дни сражений легендарных,
Была же стойкость, что вела нас в бой.
Воспрянь, лесник, спасатель и пожарный,
Когда горит планета под тобой!

ЖЕНЩИНАМ

Для мужчин вы, красавицы-женщины:
Наши матери, сёстры, любимые,
Как цветы долгожданные вешние,
Всем и каждому необходимые.

Если мать была в прошлом невестою,
То сестрёнка стать ею готовится.
У жены ж положенье известное —
Мужу стоит побеспокоиться.

Есть в любви элемент созидания.
Это ясно и старцу, и отроку.
Мы пройдем через все испытания
С верной женщиной рука об руку.

С ней забудутся ночи бездомные,
Все несчастья, что выпали ранее.
Голубеет пусть небо бездонное,
Вдаль зовут горизонты бескрайние!

* * *

Пусть жизнь — капризная невеста,
Её причудам счёта нет —
Давно доподлинно известно:
Без женщин вымрет белый свет.

Нет женщин наших краше, проще.
В кругу семьи и срочных дел
Они на свой удел не ропщут,
Как кое-кто того б хотел.

В застоя век и век психоза,
Когда всё поднято вверх дном,
Какого ни коснись вопроса,
А женщина права в одном:

К любви и процветанью склонна,
То неприступна, то нежна,
Она и дочь нам, и матрона,
И мать Отчизны всей — Она!

* * *

Всё начинается с любви,
С души крутого поворота,
Когда судьба нам дарит что-то,
Что глупо, как ни назови.

А, впрочем, глупость ли любовь?
На то ответите едва ли.
В ней грусть и солнечные дали.
Преодолеть их стоит вновь.

И душу вряд ли обуздать,
Накинувши на страсть уздечку,
Назло ретивому сердечку
На прочность пути испытать...

Всё глупо, что ни говори:
И эти грозы, и метели,
И сладкий пух чужой постели,
И жар бессонниц до зари.

* * *

Это будет не скоро —
Не зимой, не весной.
Я приеду в твой город,
Занесённый листвою,

Чтоб подошва тонула
В листопадном огне,
Чтоб немного взгрустнула
Ты в тот миг обо мне.

Чтобы с посвистом в клёнах
Удивлённых синиц
Вдруг вспорхнули влюблённо
Махаоны ресниц...

Встретить глаз два укора,
Два признанья без слов
Я приеду в твой город.
Я приеду врасплох.

ЧУЖИЕ

Стоишь безмолвная, чужая.
И я тебе уже чужой.
И, этим утром уезжая,
Оттаять не успел душой.

Что толку прятать под ресницы
Слепой неискренности дым.
На клёнах цвикают синицы
Под небом истины седым.

Но всё насущное постыло,
Как будто что оборвалось.
Роса слезинкою застыла
В кошке льняных твоих волос.

Возможно, впереди не будет
Всего, что в памяти живёт,
Но каждый сам себя осудит.
Раскается ли только вот?..

В УРАЛЬСКОМ ЛЕСУ

О чём расскажет бор серебряный?
О чём поведает он мне?
Быть может, сказкою неведомой
Меня он встретит на лыжне?

А, может, правдою бесхитростной
Заронит зёрнышко тоски?
А, может, солнечными искрами
Зажжёт ресницы и виски?..

Вот две лыжни, как струны, ровные.
Ни разу не сплелись они.
Здесь шли, как видно, отчуждённые.
В чём суть? Попробуй, объясни!

Что стало камнем преткновения?
Не та ль невинная сосна,
Не то ли первооткровение,
Что им несла любви весна?..

Пытаюсь, как задачу важную,
Я эту тайну разрешить,
Ведь, может быть, Невьянской башнею
Здесь пошатнулась чья-то жизнь?..

Но безразличным не проеду я,
Следы читая на снегу.
О чём ещё мне лес поведает?
Предугадать я не могу.

ПРИСМОТРИСЬ!

Не болтай про тихий омут
И про тысячу чертей
Средь подруг и средь знакомых,
Средь соседей и детей.

Не болтай про тихий омут,
Сердцу зря не прекословь:
В нём утоплен каждый промах,
В нём утоплена любовь.

Не болтай, молчи, о Боже!
Хоть на миг замкни уста.
Присмотришь к себе построже:
Жизнь без омутов — пуста!

ПИР ДУШИ И ТЕЛА

Полжизни пролетело,
Но вдохновляет вновь
Нас пир души и тела
С названием любовь.

Фаготы ли, валторны,
Посуды ли битьё —
Мы издревле покорны
Симфонии её.

Такая вот нелепость —
Хоть плачь тут, хоть кричи —
В костёр влетаем слепо,
Как бабочка в ночи.

* * *

Когда любовь насгнула и косила,
Отогревал нас общий интерес.
Её страстей космическая сила
Нам души возносила до небес.

Пусть повторялось это и не часто —
На грани волшебства и маеты
Обычная минута соучастья
Дарила миг нагорной высоты.

Меня качало лодкой у причала.
Меня влекла приливная волна.
Душа высоким и святым дышала
И отзывалась тонко, как струна.

Но дни прошли и в прошлом растворились:
Необратима времени река.
А помнишь ли ты, как глаза лучились
У ввергнутого в детство чудака?

* * *

У нас всё часто под копирку:
И отношения, и любовь.
Иной хватает в руки циркуль —
И круг общения готов.

Но так ли часто чёт и нечет
Перемежаются в быту?
Ведь жизнь порой себе перечит,
Примерив истину не ту.

Что в ней первично, что вторично?
Где полуправда, где подлог?..
Во многом жизнь ассиметрична.
И в том движения залог!

МУЖИК

Мужик — кормилец, но не задаётся,
Чем иногда грешит рабочий класс.
Живёт себе на свете, как живётся,
Как испокон крестьянствовал до нас.

Но своего, конечно, не упустит.
Уж если прав — умри, но обеспечить.
Мол, в кузовок, коли назвался груздем,
Лезь и особо, братец, не перечь!

С таким подходом не страшны печали
И над толпой не властен индивид.
И сколько б мужика не изучали —
Он, верно, ещё многих удивит.

* * *

У водителей примета:
Попадёшь под светофор —
И напасть продлится эта,
Как ни сметлив ты и скор.

Что там пень и что колода,
Неурочный день и час,
Если скопом вся природа
Ополчается на вас?

Упадёт ли с неба птица,
Дело ль вдруг решат пришить —
Просто надо отрешиться,
Чтоб всё это пережить.

В ОПРАВДАНИЕ СОГРЕШИВШЕМУ

Не хнычь, приятель, се ля ви!
Нет смысла в наших огорченьях.
Тупы предательства в любви.
Есть острота лишь в увлеченьях.

И стоит согрешить порой
Семейной пресности в обиду.
Хоть на минуту ты — герой,
А дым раскаянья — для виду.

Зато какой эмоций всплеск!
Причуды русского скандала.
Живых очей и мгла, и блеск,
И речи с привкусом металла.

ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ

О многом лодырь мыслит узко,
От дел сбегая за версту.
А между тем важна нагрузка
В работе, в спорте и в быту.

Обжора мыслит чуть иначе:
Еда, мол, это благодать.
Он враг себе. А это значит —
Куда важней недоедать.

Но середину золотую
Кто чётко выведет свою?..
И я отнюдь не голодную
И на нагрузки не давлю.

Претит мне дух ограничений.
Я уступаю широте
Своих привычек и стремлений.
И не держу себя в узде.

Пусть кто-то, ног своих не чуя,
Трусцою бегаёт чуть свет,
Себя намеренно бичуя,
Прожить намерен сотню лет —

Я не примкну к его когорте.
В ней всё — тщета, обычный дым.
Всю жизнь глотать его — увольте!
Помру я лучше молодым!

ПРОФЕССИИ

Идут в забой достойнейшие парни —
И уголь на гора рекой течёт.
Щекочет ноздри запах из пекарни —
И хлебопёку слава и почёт.

Кому отдать венок приоритета
Средь однобоких правд или неправд?..
Вот заболела космосом планета —
И нет престижней слова «космонавт».

Я рад за тех, кто рвётся в поднебесье,
Но, на земле отнюдь не исполин,
Взять под защиту буду рад и плесень,
Коль миру даст она пенициллин.

ТАЙНА КОНТРАСТА

Чёрные грузди среди белых берёз.
Тайна в контрасте их смелом.
Это не просто природы курьёз —
Чёрное с белым.

Молвят китайцы: «То — инь, а то — янь», —
С тысячелетним прищуром.
Их философия для марсиан
Грекам не снилась премудрым.

Чёрные грузди среди белых стволов.
Миг лишь, природе присущий.
В нём неподвластное праздности слов
Таинство жизни текущей.

ПО ПОВОДУ АНТИАЛКОГОЛЬНОГО УКАЗА

Вот, скажем, у вас день рожденья
Иль просто взыграл аппетит,
И хочется для вдохновенья
По рюмке-другой пропустить...

Но будь вы сто раз знамениты,
Изнежены звоном монет —
Все точки в округе закрыты
И выпить ни капельки нет.

Пройдя через эти мытарства,
Стоптав не одни сапоги,
Нырнёте в Кощеево царство
С избушкою Бабы-Яги.

Там с виду неприбранный Леший,
Что с бабкой безбедно живёт,
Горилки, как стёклышко, свежей,
Вам полную тару нальёт.

И тут уж, на радостях вмазав,
Вы в норму войдёте свою.
И дела вам нет до указов
В Кощеевом этом раю.

МЕСТЬ

Обидел пьяницу пьянчужка:
Едва смочив в вине усы,
Во время дружеской пирушки
Снял с собутельника часы.

И вот они уже в кармане.
Но Бог проныру не простил,
Поскольку те часы в дацане
Бурятский лама освятил.

Стал жулик чахнуть постепенно.
Боль и тревога в нём росла.
Но вот пошла уж горлом пена,
А вместе с ней и жизнь ушла.

А потерпевший, как ни странно,
Спокойно весть ту воспринял
И даже скорбного стакана
На горькой тризне не поднял.

РУНЫ НА КОЛЕЧКЕ

*Руны. На колечке руны.
Знаки. Символы. Кресты...*

Галина Елисеева

Руны, руны на колечке,
Знаки, символы, кресты...
Прояснится ль хоть словечко?
Время смыло все мосты.

Незатейливый орнамент
Из углов и биссектрис,
А попробуйте-ка сами
Разгадать их скрытый смысл.

На поверхности металла
Ни одной зацепки нет.
Вот уж брезжит запоздалый
Сквозь лохмотья туч рассвет.

Не глупей Востока Запад —
Суть варяжских тайн тонка,
В чём-то, может быть, чреватых
Для потомков на века.

Что ж скрываешь ты, колечко
С письменами древних лет?..
Что-то сбудется, конечно,
Что-то, может быть, и нет.

ЧЕРНОВИКИ СУДЬБЫ

Ах, эти линии ладони —
Углы, зигзаги, завитки!..
Ты присмотришься к ним и запомни:
Они — судьбы черновики.

А с кем и как её напишешь
На чистом поле бытия —
Один лишь ведаёт Всевышний,
Всему творец и судия.

Расшифровать в какой-то мере
Её сокрытый, тайный шифр
Лишь хироманту он доверит,
Крупницу истины вложив

В его предвиденья-прогнозы..
Но, как бы к ним ты не привык,
Зря не роняй скупые слёзы
На дней грядущих черновик.

* * *

Не козыряйте собственной судьбой:
Не туз бубей она и не шестёрка.
Смешать колоду может лох любой
В припадке неуместного восторга.

Не козыряйте именем своим:
Оно лишь звук сомнительный — и только,
Способный вдруг растаять, словно дым,
Как это ни прискорбно и ни горько.

Не козыряйте бременем заслуг
В надежде на признание большое:
Оно, в обманный вовлекая круг,
Мечты не оставляет за душою.

А что такое без мечты душа?
Ни страсти в ней, ни гордого стремленья.
Она всё ниже падает, кружа,
Как запоздалый жухлый лист осенний.

* * *

Человек — царь природы.
Устоявшееся мнение

Созвездие ль во мраке,
Микроба ль экземпляр —
Мир раздвигает рамки —
Взгляни лишь в окуляр.

Оптическое чудо —
Набор зеркал и линз —
Несёт из ниоткуда
Очередной сюрприз.

Ах, как же, как мы слепы,
Наивные, как встарь,
Когда твердим нелепо:
— Я царь или не царь?!

КАПЛЯ И СЕРДЦЕ

Мерно капля точит камни:
Известняк, гранит...
Сердце тоже в форме капли,
Только ввысь летит.

Вековечнее бетона,
Старше янтаря,
Капля слишком монотонна.
Что спешить ей зря?

Ну, а сердце ставит круто
Всё наоборот:
На счету часы, минуты —
Дел невпоровот.

Каплю гасит тяготенье.
А душа — горит.
Вечный дар преодоления
Чудеса творит.

* * *

На свете, как в большой квартире,
День изо дня, из года в год
Неукоснительней и шире
Извечный круг людских забот.

То перестройка, то побелка,
То заурядный марафет...
А в колесе всё та же белка.
Конца её движенью нет.

А, впрочем, было ль и начало?..
Не зря ж так часто снятся мне
То расставанье у причала,
То парус на крутой волне.

* * *

Ни по личной воле, ни под розгами,
Взор чужим величием слепя,
Не ломайте шапок перед звёздами —
Возлюбите ближнего — себя.

Как сквозь призму солнечные лучики,
Пропустивши чьей-то славы дым,
Ах, какой же вы простор получите
Мыслям и деяниям своим!

И не суетливыми, а равными,
Отметая самомненья чушь,
Станете на деле многогранными
Средь кристаллов человеческих душ.

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ДУШ

*Хорошую религию
придумали индусы,
Что мы, отдав концы,
не умираем насовсем.*

Владимир Высоцкий

Когда бы прав был тот индийский жрец,
В бессмертие поверивший наивно,
Я перевоплотился б под конец
Не в тигра иль овечку, а в дельфина.

Чтоб на волне предложенной игры,
Оставив где-то за спиною пристань,
Вторгаться в незнакомые миры
С дельфиньим добродушным любопытством.

Ведь это суть земного бытия,
Какого бы там ни было в итоге.
Хотел бы знать, кто в этом мире я.
И кто для нас на этом свете боги.

У. ГОД НАЧИНАЕТСЯ С ВЕСНЫ

СОЛНЦЕВОРОТ

От проталин вешних и до вьюг
Вечное времён чередованье.
Нам они раскиснуть не дадут:
В каждом есть своё очарованье.

В каждом энергетика своя —
То жары, то жуткого мороза.
Оттого и Родина моя —
Светлая поэзия, не проза.

Есть в ней и высокие снега,
И грустинки листопадной тема,
Есть цветущей веточки строка
И созревшей нивы есть поэма.

Оттого и не стареть нам впредь,
Вдохновенье ценим оттого-то,
Что всю Землю можем обозреть
С высоты орлиного полёта.

ГОД НАЧИНАЕТСЯ С ВЕСНЫ

Все времена в году красны,
А всё же ближе нам сужденье:
Год начинается с весны,
Как это утро — с пробужденья.

Не с января, не с сентября —
С морзянки мартовской капли,
Ведь это ей благодаря
Высокие мы ставим цели.

И пусть грохочет ледоход
В конфликте с Волгою самою —
С весны стартует каждый год,
А завершается — зимою.

СЮРПРИЗЫ МАРТА

Вот и снова зима
Удивила весьма:
Занавесивши вешние дали,
Превратила дома
Из лачуг в терема.
Мы такого давно не видали.

Новизною чреват,
Забавляется март,
Обернувшись волшебным предзимьем.
Снегопад — невпопад.
Я один ему рад.
Снега больше, ненастье, неси нам!

Поднимает мне дух
Этот медленный пух.
В нём сквозят чистота и прохлада.
Коль в душе не потух
Мягкий свет «белых мух» —
Значит в мире идёт всё как надо.

* * *

И вновь в сталактитах сосулек
Весна преломляет лучи.
Деревья от спячки проснулись.
С пригорков сбегают ручьи.

О, Русь, сколько раз ты встречала
Восторженный посвист скворца!
А время — река без начала,
А время — река без конца.

Набухшие влагой потоки
В ней кануть спешат без следа.
Лишь кромка раскисшей дороги
Мерцает осколками льда.

* * *

Дней и событий чехарда,
Любви непостоянство,
Бег лёгких тучек в никуда,
В безбрежное пространство...

Но у планеты есть предел:
Она всего лишь сфера.
Вот что-то ты не доглядел —
И пошатнулась вера

В людские чувства и слова,
Нам нужные, как воздух.
И тень легла на деревья
В грачиных тёплых гнёздах.

Галдят пернатые о том,
Что жизнь как ни сурова —
Милей всего на свете дом,
Куда вернулся снова.

ВЕСЕННИЙ ЛЕС

В лесу в овраг сползает снег.
В живой воде стволы.
Одни берёзы по весне
Стоят белым-белы,

А на чешуйках бересты,
Что на ветру дрожат,
Не гаснут солнышка следы
С восхода по закат.

Да на опушке день-деньской,
Вернувшись в отчий край,
Хлопочут птицы, и рекой
Течёт грачиный грай.

За этот синий шёлк небес,
За молодость и хмель
Хвала тебе, весенний лес,
Нацеленный в апрель!

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

— О, боже, боже, снова мы живые! —
Любая ветка вербная кричит.
Повылезали черви дождевые.
В оврагах вздулись мутные ключи.

Ушла пора холодного изыска,
Прозрачности и мертвенности льда.
Настало время трепетного риска,
Когда любовь штурмует города.

Перемешались знаки зодиака:
Где Раки, Скорпионы? Где Тельцы?..
Идёт весны азартная атака,
И ледяные рушатся дворцы.

* * *

Весенний этот день,
Как чудо из чудес,
Наполнил душу всклень
Сиянием небес,

Бездонной синевой
И ручейком в логу,
И зыбью ветровой
На солнечном снегу.

А в зарослях раakit,
Как в прежние года,
Вот-вот уж закипит
Грачиная страда.

И на семи ветрах
Качнётся небосвод,
Когда, всю мощь собрав,
Льды вздыбит ледоход.

* * *

Опять вдоль тропок на соседних дачах
Ладошкой к солнцу тянется лопух,
Заполонил лужайки одуванчик
И кое-где уже роняет пух.

Весенние наращивает силы
Седой чертополох, колюч и злющ,
А рядышком с колючкою постылой
Гусиной травки зеленеет плющ.

Дурмящие ароматы каши
Клубятся в дымке солнечных лучей.
И вторит соловьям хмельным в овражке,
Вскипая мутной брагою, ручей.

Набухла от избытка влаги почва,
А небеса — от солнечных лучей.
И ветер тучки разрывает в клочья:
— А ну, светило, врежь погорячей!

* * *

Сладкой мятой пахнет лето.
Стоит выйти за село —
Загрустит кукушка где-то:
В чём-то ей не повезло.

И душа истосковалась
По просторам и лесам.
Знать, осталась в ней, осталась
Грусть по дедовским местам,

Грусть о прошлом, о вчерашнем,
Что живёт подспудно в нас
И влечёт к лугам и пашням
Всё сильнее всякий раз.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Парок над кровлей черепичной.
Прошёл недавно дождь.
Полынный запах с земляничным
Неуловимо схож.

А воздух свеж и так прозрачен!
Лучи зари косы.
В них каждый листик обозначен
Слезинками росы.

Послушай, как щебечут птицы,
И осознаешь ты,
Что сам вобрал в себя частицы
Всеобщей чистоты.

РАННЕЕ УТРО

Зорька пламенными красками
Подпалила небосвод,
По кремлю скользнув сызранскому,
Что глядится в лоно вод.

Ах, какое чудо всё-таки —
Эта дивная пора!
Вот стоят деревья, сотканы
Из чешуек серебра.

Над домишками над серыми
В небо тянутся дымки.
С петухами встали первыми
На подворьях старики.

Им пожить подольше хочется,
Но всё тоньше жизни нить.
Оттого так и хлопчется:
Надо времечко ценить.

* * *

Всё прекрасно, как в начале
Неизведанного дня.
Дремлет лодка на причале,
Мерно плещется волна.

Гаснут шорохи и звуки
В царстве хрупкой тишины.
Ввысь протянутые руки
Щедрым солнцем всклень полны.

И любое дуновенье
Ловит сердца эхолот.
И текут, текут мгновенья,
Словно волны этих вод.

* * *

Дальних созвездий мерцающий цвет
В полночь уходит глубокую.
Снова встречаю рыбацкий рассвет
Над посветлевшей Волгою.

Перекликаются дымка и тишь.
Бездна любитесь бездною.
Шепчутся тихо река и камыш,
Словно жених с невестою.

Шепчутся вроде бы и ни о чём,
Ясность внося в отношения...
Тонкого месяца призрачный чёлн
Гаснет в речном отражении.

* * *

В заливчиках утиных
Под шелест вѣтел сонных
Соцветия кувшинок
Покачивают волны.

Качаются соцветья
Изящно и свободно
То на закатной меди,
То на эмали полдня.

А на листьях зелёных
И глянцевито-влажных
Лягушки, как на тронах,
Застыли в позах важных.

РЕЧНОЙ БАЛЬЗАМ

Когда судьба чревата лихом
И приговор её суров,
Меня умчат «Казанка» с «Вихрем»
В раздолье волжских островов.

Я там скажу себе: «Послушай,
Все козни жизни — чепуха!
Пусть щедро льют бальзам на душу
Мне эта зорька и уха.

Пусть, тайну сущего возвысив,
В руладах тонет соловей...»
И в подтверждение этой мысли
Я не сверну с тропы своей.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Всё в мире подлунном на время застыло.
Лишь мыши соломой в стогу шелестят.
В протоку глядится ночное светило,
Да росы студёные в травах блестят.

Далёких миров догорают осколки.
Но скоро ударит рассвета струна.
Как ночь ни казалась тоскливой и долгой —
Короче обиды ребёнка она.

Гудок донесётся простуженно хриплый.
Моторы взревет на причале пустом.
А в заводи тихой средь мелочи рыбьей
Прожорливый жерех ударит хвостом.

ЗАКАТ

За горизонт, за дымку ковыля
Ветра уносят солнца колесницу.
И вытирает в сумерках земля
Солёный пот калёной рукавицей.

Ей скоро спать, ни зноя и ни стуж
Не чувствуя под одеялом млечным,
Пока с востока первый звонкий луч
Не обернётся днём в пути извечном.

И снова — ногу в стремя и ловить
Рассвета гриву голыми руками,
Чтоб услышать, как стонет где-то вышь
И поезда стучат за тальниками.

ДИКАЯ ГРУША

Тропинка вьётся вдаль,
А лес всё гуще, глуше...
Поверишь здесь едва ль
В мираж возникшей груши.

Случайная, она
Вне дачных мест нелепа,
Впитавшая сполна
Все ароматы лета.

В ней, солнцем налиты,
Ах, как вкусны, однако,
С горчинкою плоды,
Слетающие мягко

То в жухлую траву,
То на подстилку хвои!
Не в сказке — наяву
Их золото живое.

Лишь семечко с небес
Здесь обронила птица —
И чудо из чудес
Растёт с тех пор, плодится.

ЛЕСНАЯ ТИШИНА

Высокая лесная тишина,
Вобравшая и шорохи, и шелест,
И гул, с которым тянется сосна,
В зенит звенящей кроною нацелясь.

Она сродни течению реки
С мерцающею лунною дорожкой,
Где только волн короткие шлепки
Да всплески кем-то вспугнутой рыбёшки...

Всё это тишина. И видит Бог,
Над миром в ясной синеве парящий,
Как нитку тянет времени клубок
Между былым и нашим настоящим.

ВИКА, ИЛИ МЫШИНЫЙ ГОРОШЕК

В чистом полюшке, взгляни-ка,
На пригорках и в долах
Дружно зацветает вика,
Чудо-травка, хоть не злак,

Но сестра царя-гороха,
Да фасоли и боба.
Ей в большой семье неплохо,
Там, где ветер гнёт хлеба.

То игривый, то ленивый,
То прохладен, а то жгуч,
Он в степях волнует нивы,
Он пасёт отары туч.

Сам, как небо, синий-синий,
Весь в кругу своих забот,
Разлинует сотней линий
Почерневший небосвод.

А когда громами дико
Громыхнёт в степи гроза,
Встрепенётся чутко вика,
Распахнувши синь-глаза.

ЗАСУХА

Ни ветерка, ни дуновенья
И ни прохлады знобких рос,
А только жаворонков пенье
Да громыханье дальних гроз.

По заколдованному кругу
Они проходят стороной.
И хлеборобу, ох, как туго!
Клянёт он эту пыль и зной.

Мог высоко держать бы марку
И пожинать в страду плоды,
Но как обидно, что насмарку
Пошли бессонные труды!

В СТРАДУ

Вдали комбайн пылит половой,
Дымится колкая стерня,
А небо вяжет плат пуховый
На золочёных спицах дня.

Июльский воздух невесомый
Хлебами спелыми пропах.
Куда ни глянь — стога соломы
Стадами жёлтых черепах.

Страда выходит на равнины.
Страда нам входит в кровь и плоть.
И перепёлки так наивны
В своих призывах: «Подь, полоть!»

* * *

Преображение природы...
Что ни сезон — то новый пласт.
Есть после долгой непогоды
Такой разительный контраст,

Когда очистится вдруг небо,
А вместе с небом — и душа,
И копны убранного хлеба
Плывут над полем неспеша

Туда-туда, где сини бездна,
Где тонкой льдинкой тает лес
И где всегда есть солнцу место,
Какой бы дождь не лил с небес.

* * *

Ещё пичугою не спета
Песнь расставанья и отлёта,
Но, как вода, уходит лето
За синий полог небосвода.

А стрелы солнечных лучей
Всё реже проникают в чащи.
И лишь серебряный ручей
Струится влагою журчащей.

В нём, словно в зеркале души,
Неуловимость настроений.
Хоть свой портрет с него пиши
В порыве грусти предосенней.

* * *

Ах, какая примета!
На пронзительной ноте
Обрывается лето,
Словно крик на болоте.

Вот уж строятся гуси
В перелётные клинья.
Сколько истинной грусти
В столь знакомой картине!

Над протокою тусклой
Дождик капля за каплей
По осоке пожухлой
Ходит серою цаплей.

В заводь смотрят ракиты.
Скука в дачном предместье.
Глядь — уж ставни закрыты,
А жильцы все в отъезде.

В ДЕТСКОМ ПАРКЕ

С внуком бабушка в детском парке.
Клёны шепчутся, кроны клоня.
До чего же пронзительно ярки
Отголоски осеннего дня!

То прорежется рокот моторов,
То затыкает где-то щенок,
То прольётся из-за заборов,
Душу радуя, школьный звонок...

Ну а бабушка времечко оно
Вспомнит ясно, как будто вчера:
— Жаль, не стало аттракционов.
Отвыкает от них детвора...

Ведь и жили когда-то несладко —
Что ни день, то своя маета —
Но не роскошь была шоколадка,
Ярким «Сникерсам» не чета...

А внучонок резвится, беспечен.
Взрослых мыслей чужда ему нить.
Мир его листопадом расцвечен —
Каруселью летящих жар-птиц.

ОСЕННЕЕ

Было лето без лета:
Всё дожди и дожди
Без тепла и без света,
И надежд впереди.

Вот и осени перья
Ливней спутала сеть,
Словно символ безверья,
Пошатнувшего твердь.

Только мокрые рельсы
Далеко пролегли
Да строенья, белесы,
Проступают вдали.

Не деревня, не хутор,
Ну, а всё ж — благодать,
Если путнику худо
Так, что не передать!

* * *

Ещё не вызрела заря
И от росы седеет залежь.
Ещё ознобом сентября
Осины тронуты едва лишь.

А над излучиной туман
Струится лёгкой паутиной.
Луну, упавшую в лиман,
Взрезает выводок утиный.

Качает сонная волна
Созвездья жёлтые кубышек.
Природа чуткости полна
И предвкушеньем утра дышит.

* * *

Сентябрьская ясность
Небес и, увы,
Недолгая праздность
Чеканной листвы.

Оттаешь душою,
А дождик и хлябь
Смешают и скроют
И солнце, и зябь.

Коснётся дождливость
И стен городских
Под неторопливость
Раздумий людских.

И странные муки,
Их грустную блажь
В премудрые руки
Природы отдашь.

* * *

Вот и вновь зовёт нас осень
В заповедные края.
Груз вседневных тягот сбросив,
В лес уйдём и ты, и я.

Там весёлые берёзы
И могучие дубы
В торжестве житейской прозы
Ставят мир весь на дыбы,

Воздевая в небо ветви,
Об одном моля всерьёз,
Чтоб шумели кроны вечно,
Щедро гриб в подстилке рос

И зверюшке чтоб хватало
Безружейной тишины,
Не вгрызался б зуб металла
В плоть янтарную сосны.

Впрочем, это лишь мечтанья,
Даже если смысл в них есть,
Обречён лес на закланье.
Слава Богу, что не весь!

* * *

Осенних красок ярче сонмы,
Звон листопада всё сильней.
Лишь в паутинках невесомых
Мерцает отблеск летних дней.

Роса на павший лист ложится.
А поутру туман таков,
Что с каждым днём всё чаще снится
Приволье заливных лугов

И карасей упругих всплески
На озере среди осок,
А в изумрудном перелеске
Кукушки грустный голосок.

* * *

А так ли уж потерян этот день,
Обычный день моих свиданий с лесом,
Наполненным листвою жухлой всклень,
А не свинцовым смогом или стрессом?

Царят повсюду только стынь и сушь,
А на грибы и капли нет намёка.
И лишь болото чешуёю луж
Привносит оживления немного.

Да небосвод пронзительно глубок.
Лишь облачко в нём редкое застыло.
Но и на кочках не видать грибов,
Как, помнится, когда-то это было.

Тревожно дятел рассыпает дробь,
Роняя шишки с древа векового.
Когда ж, когда придёт пора ветров,
Пора дождей своё заявит слово?..

ГРИБНОЙ ТУМАН

Над болотом и над березником
Распростёрся туман грибной.
Поспешите, искатели резвые,
В притягательный мир лесной.

Всё как будто в пространстве замкнутом.
Приглядишь, как у самой тропы
Мягко шляпки белянок загнуты.
Ненароком не наступи.

Выплывает маслят флотилия
Из-под колких еловых одежд.
Здесь идиллия изобилия,
Воплощение смелых надежд.

Вот скользнула беспечная ящерка
Или птаха вспорхнула легко.
От реальности настоящего
Всё ж никак не уйти далеко.

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осиновая дрожь
И пламя жарких клёнов.
Осенний тёплый дождь
На взгорках и на склонах.

Осенний тёплый дождь —
Обыденность и чудо.
Он смывает грязь и ложь,
Когда на сердце худо.

Не скорый, проливной,
С крутой картечью градин,
А с моросью грибной,
Что не на час, а на день,

С неспешностью такой,
Что, поднабрав силёнок,
Из хвои под ногой
Проклюнется маслёнок.

ЗАТЯЖНОЙ ДОЖДЬ

Дождь, не последний и не первый,
Он за окошком льёт и льёт,
И успокаивает нервы,
Смывая тяжких дум налёт.

Нет в нём надежд на грома грохот
И на внезапных молний блеск.
Он раздаёт себя по крохам.
В нём что-то искреннее есть.

В насквозь промокшей роще птицы
Молчат, воды набравши в рот.
Дождю такому долго литься,
Покуда хмур небесный свод.

Но повторится всё премудро:
Стряхнёт озноб листва осин,
Наступит солнечное утро
И позовёт в простор и синь.

* * *

Наконец-то расщедрилось небо.
Отошла морось тусклая в тень,
И живому всему на потребу
Улыбнулся безоблачный день.

Горизонт прояснившийся выцвел,
Поутихли в округе ветра...
Лишь сегодня впервые увидел,
До чего же природа мудра!

И тычинка любая, и пестик
В бриллиантах студёной росы —
Воплощение солнечной песни.
Эталон неизбывной красоты...

И сокровища эти несметны,
Всем доступны и всё ж — ничьи.
Не о том ли поют беззаветно
В роще — птицы, в долине — ручьи?

ГРИБНОЕ ВРЕМЯ

Берёз немеркнувшее злато
И розоватый дым осин,
Душа, прозрачностью объята,
Витает там, где свет и синь.

И этот взгорочек — не высь ли?
И эта ль рощица — не рай?
Такие солнечные мысли,
Хоть их в лукошко собирай!

Вот на плечо мне опустилась
Ладонка лёгкого листа.
За что ко мне такая милость?
Она, как видно, неспроста.

И на устах уже не воздух,
А родниковый холодок...
Грибное время. Праздный отдых.
И... сокровенного глоток.

ГРИБНОЙ НОЖ

Этот нож был раздавлен машиной.
Ну не сам он — его рукоять.
Что тому послужило причиной?
Кто изволил его потерять?

Обронил ли его кто-то в драке?..
На асфальте лежал он в тени.
Убивал ли он?.. Думаю — враки!
Подозрения только одни.

Но, чтоб не было двух толкований,
Чтоб слетел неизвестности дым,
Наточил я его о камень,
Приспособив к походам грибным.

Необычное жало косое
Срежет гриб и очистит сор.
Знать, не зря виноградной лозою
Сталь тугую украсил гравёр.

* * *

День до донышка выпит,
До последних глотков...
Муравьиный Египет
Средь замшелых пеньков,

Солнца яркие пятна,
Листопад, бурелом
И в лощине опята —
Всё теперь уж в былом.

Если что и осталось —
Вспоминать не резон:
Душу клонит усталость
В безмятежность и в сон.

* * *

Сегодня синица в кустах разливала
С утра под окошком весёлую звень.
И не оттого ли так радостно стало
На весь искромётно улыбчивый день?

Я вышел, в союзники взявши лукошко
Да трижды проверенный в странствиях нож.
Пойду — поблуждаю по лесу немножко,
Где солнцем опушки пронизаны сплошь.

В сорочьей тревоге нет здравого смысла:
Я здесь не какой-то залётный злодей.
Созвучны с природой осенние мысли.
Иных не приемлю понятий-идей.

Сорока, конечно, умнее синицы,
Но правы ведь в чём-то и эта, и та.
Порхайте спокойно, осенние птицы.
Страшнее тревога, да только не та.

Она мою душу всё чаще сжигает.
И нет ей начала, и нет ей конца.
Куда человечество наше шагает?
Какая забота нам гложет сердца?..

* * *

Никем не подняты рубины
Рябин, упавших на плетни,
А у заброшенной плотины
Никем не считаны линии.

Но всякий замирает немо,
В лесок берёзовый входя —
Под лёгкую косынку неба
И шелест близкого дождя.

И ты вдруг остановишь выдох,
Сощуришь, будто в первый раз
Птенца на веточке увидев
С живыми бусинками глаз.

* * *

Посветлела вода. Рыбак
Возле омута чинит сети.
Привкус осени на губах
И влюблённые носят, и дети.

Привкус осени...Лист упал
В первый обморок. Есть причины:
Всё тревожней закатов накал,
Всё грустнее полёт паутины.

Обезлюдели берега.
Пахнут лёгким дымком увяданья
За рекой на лугу стога.
Лето красное, до свиданья!

ОСЕННЯЯ ЛИСТВА

Листою всё озарено.
Она, шурша, слетает в чаще.
О, время осени! Оно
Всегда светло, непреходяще.

Клубятся галочки скопления
Над сизой пашней, над жнивьем.
И каждый день — как отраженье
Всего, чем дышим и живём,

Что в нас кипит, не устоявшись,
Как эта пёстрая листва,
И реет птицей, затерявшись
В круговороте естества.

* * *

Небо словно бездонная чаша.
Облака в нём плывут неспеша.
С левитанской грустинкой пейзажа
Откровенно созвучна душа.

Косогоры дымятся, пологи.
Горизонта размыта черта.
В поворотах осенней дороги
Мудрость щедрая разлита.

То лучом обернётся, то тенью,
То стволом векового литья.
И слетают листья, как мгновенья,
И сгорают в кострах бытия.

* * *

Обосновалась в рощах дрёмных
Заря багряная не зря.
Неповторима умудрённость
Прозрачной грусти октября.

Так на земле велось издревле.
Достойны кисти и холста
И эта речка, и деревья,
И контур ветхого моста.

Бреду куда-то неторопко.
Шуршит, слетая, лист резной.
И через сердце вьётся тропка
К истоку мудрости земной.

* * *

То мутная серость, то синь,
То рощи грибная прохлада,
Где скрыта в ознобе осин
Неясная суть листопада.

Тускнеет заката опал.
Шагаю по лесу усталый.
Но лист на плечо мне упал
Ладонкой своей пятипалой,

И разом слетела с души
Тревожного времени смута.
И мысли, как прежде, свежи.
И хочется верить чему-то.

* * *

Отгорели осени костры.
Никому уж вновь не запалить их.
Лишь дурманят голову, остры,
Запахи опавших пряных листьев.

На озёрах шелестит куга.
Стаи птиц готовятся к отлёту.
Загляделись вербы и стога
В светлую, задумчивую воду.

И не здесь ли прячет Китеж-град
Озера загадочная чаша?..
Я же сердцем прикоснуться рад
К лирике русского пейзажа.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

В осенней грусти мало прока.
Но как желанна эта грусть!
Уйду не близко — не далёко:
Туда, где свежесть полнит грудь.

Уйду тропинкою знакомой
И грусть с собою унесу.
Какая разлита истома
И в брэнном теле, и в лесу!

Река, подвластная туману,
Как будто повернула вспять.
И ни за что я не устану
О днях минувших вспоминать.

И ни за что я не устану
Следить за стаей поздних птиц.
Открой, открой же, осень, тайну,
Как можно так светло грустить?

* * *

Как-то утрачен уж солнышка вкус
В проблесках жизни ранимой.
Поздняя ящерка юркнула в куст
Струйкою неуловимой.

Лист облетающий падает ниц
В сумраке рощи тоскливой.
Если послышится посвист синиц —
Ты уж почти и счастливый.

А под ногами — то шорох, то хруст.
Крон польхание — следом.
Только утрачен уж солнышка вкус
Вместе с доверчивым летом.

* * *

Оживаю с осенней прохладой.
Интеллект обостряется вдруг.
И иных ощущений не надо —
Был бы рядом со мною лишь друг.

А порою не надо и друга:
Средь лесных паутинных седин
Так мила мне родная округа,
Если с ней я один на один!

Только слышится посвист синичий
Или дятла доверчивый стук.
И душа, замирая привычно,
На любой откликается звук.

* * *

Ах, зачем вино бузит в бочонках,
И зачем ты бродишь по пятам,
Осень — полногрудая девчонка,
Косы распустившая к плетням?

Смотришь умудрённо и игриво.
И глаза, как небо, нараспах.
Только смутный привкус чернослива
Безмятежно тает на устах.

И дорога, мокрая дорога
Ускользает в поле за гумно...
Не буди же, осень, ради бога,
Августа, ушедшего давно!

С этих пашен в хлопотах грачиных
Помаша рябиновым огнём.
До свиданья, дивчина-дивчина,
Как вино, хмельная не по дням!

Н О Я Б Р Ъ С К О Е У Т Р О

Не броско пасмурное утро.
Но как его не оценить?!.
Оно глядит на мир премудро
Из-под опущенных ресниц.

Дымится ив сквозная поросль.
Их очертанья так легки,
Что дождь, переходящий в морось,
Едва меняет даль реки.

Он сам — подобье серой тучки,
Её дыхание и суть,
Кладёт на контуры церквушки
Оттенки, видные чуть-чуть.

А на просторах необъятных
Характер у него таков,
Что лика солнечного ясность
Проглянет вдрут из облаков,

И озарит и эту поросль,
И сердца каждый уголок.
И снова — дым, и снова — морось,
Как новых проблесков залог.

ПЕРЕД ОТЛЁТОМ

Начало ноября...
И прояснились выси.
Рубинами горят
Рябиновые кисти.

Застенчивый снежок
Проклюнется в мгновенье.
Внезапно, как ожог,
Его прикосновенье

К щеке или руке.
Коснувшись, тут же тает.
В заливе на реке
Сплотились гуси в стаю.

Восторженно галдят.
Прости их, край печальный!
Они вот-вот взлетят,
Построясь в клин прощальный.

ГУСИ

Гуси летят за околицей.
И, потеряв покой,
Ветры от самого полюса
Веют им вслед пургой,

Избы глядят недоверчиво,
Сельский храня уют.
Светом заката просвечены,
Гуси летят на юг.

А листопады стреножили
Тонкие ноги рябин.
И почему-то встревоженно
Стае мы вслед глядим.

Греют нас ласкою в полночи
Стены родного жилья.
И припадает солнышко
К колкой щетине жнивья.

Но нелегко успокоиться.
Тайные струны поют.
Гуси летят за околицей.
Гуси летят на юг.

НА ИСХОДЕ ОСЕНИ

Нескончаемых тучек наволочь
Наползает на лес и дома.
Чёрный пепел скоплений галочьих
Распылит разве только зима.

И откуда такое нашествие,
Захлестнувшее окоём?
Это осень уходит торжественно
В золотом одеянье своём.

Пусть они и грустны — эти проводы
От исходных до дальних границ —
Отыскать невозможно повода
Эту странность хоть чуть очернить.

ПРОСВЕТАЕНИЕ

Поздняя осень несёт просветление
В непостоянство мятежной души.
Видишь, по ходу на взгорье селение?
Ты уж, приятель, не слишком спеши!

А подыши-ка совместно с глубинкою
Сладким уютом приземистых изб.
Сердцем постигнуть Россию великую —
Это не совесть сменять на стриптиз.

Падают в садике яблоки поздние.
Где-то в Заволжье урчат трактора,
Зябь оттеняется зеленью озими...
Как же ты, русская осень, мудра!

Ты паутинные сети расставила,
Чтобы мы в главном не смели спешить,
И для серьёзных раздумий оставила
Время по полочкам всё разложить.

МИГ БЫТИЯ

Решётке, битумом пропахшей,
Резному, звонкому литью
Обыкновенный лист опавший
Так удивительно к лицу!

Вдруг изумлённо замечаешь,
Как будто раньше был ты слеп,
И шорох листьев за плечами,
И на песке дождинок след.

Идёшь, как будто вырастаешь.
Не потому ли вдалеке
Девичий силуэт растает,
Как леденец на языке.

И ощутишь светло и зримо,
На крыльях осени летя,
Щемящую неповторимость
Любого мига бытия.

* * *

Серость в ранг возведена.
Хмурый взгляд небес гнетуц.
Но глядит из бурьяна
Изумрудной травки плющ.

Это борется земля
С наступленьем холодов.
Но всё меньше на полях
Человеческих следов.

Только озимь, только зябь,
Только чёрные пары,
Только стаи птиц скользят
В запредельные миры.

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Любой листок и высушен, и вымыт.
Но как просты на свете чудеса!
В лесу тепло, в лесу свой микроклимат,
Хотя и сыплют хлопья небеса.

Отважно жмутся стойкие опёнки
К стволам, замшелым и трухлявым пням.
Приятно тяжесть ощутить в котомке,
Воздав сторицей уходящим дням.

О, межсезонье! Не зима, не осень.
То хмурый снег, то дождичек слепой.
Рябины гроздь и реденькая озимь
Так подкупают щедростью скупой!

ПУТЬ НА ЗАЙМКУ

Вот уж осенью знобко повеяло.
И, раскинувшись во весь фронт,
Тучи с севера серым веером
Заслонили собой горизонт.

Где же, где ты, заветная займка?
За каким заповедным углом?
И в печи угольков мозаика,
Обдающая душу теплом?..

Отдышусь, отогреюсь за чаем я,
Силы полный ступлю за порог,
И пронижет мне душу отчаянно
Предвкушение новых дорог.

СЕРЫЙ ДОЖДЬ

Эта размытость в пейзаже,
Словно весь мир под стеклом.
Нет и намёка в нём даже
На ликование в былом:

Ни на сады в белой пене,
Ни на листья изумруд.
Нет ни луча и ни тени:
Ливня штрихи их сотрут.

Только всеильная серость
Капель, деревьев и лиц.
Узость, а, может, безмерность —
Эта тоска без границ.

ТИШИНА

В сухих колючках и пнях плешивых
Лес, как обглоданная кость.
Попряталась куда-то живность:
Я для неё незванный гость.

Дыханьем воздух сотрясая,
Подстилку жухлую топчу.
Пружиня хищно, тень кося
Когтями тянется к плечу.

Слетевший лист давно уж высох,
Чуть слышно тлеет в полусне.
Готов лишь дятел бросить вызов
Кристалльно чуткой тишине.

В КАНУН ЛЕДОСТАВА

У излучены реки, где дубрава
Не один уж доживает век,
В предвкушенье минут ледостава
Белой сказкою кружится снег.

Но созвездья летящих снежинок
Гасит волн беспощадный свинец.
Догорает в прибрежных лощинах
Листопада последний багрец.

Ни оттаять душой, ни согреться
У неярких закатных костров,
Но, как прежде, заходится сердце
От мелодий душевных и слов.

Только жаль, что их слышим не часто,
Словно радости редкую весть,
Но в кристалликах хрупкого счастья
От снежинок и впрямь что-то есть.

* * *

Вот и всё — и дохнула зима
На стекло остывающей речки
И не зря тебя сводит с ума
Белый снег на высоком крылечке.

Маскарад бесполезных идей
Отклубился давно листопадом.
Снег на камне пустых площадей
И на домике с ветхим фасадом.

Оттеняет его белизну
Беспросветность небесного свода.
И не зря вспоминаешь весну
Столь желанной ступенькою года.

* * *

Ещё не грянули морозы.
Зима на диво всем мягка.
Но до чего ж белы берёзы
И до чего ж белы снега!

Едва рассвет забрезжит смутно
И дрожь пройдёт по деревьям —
Войдите в рощу — и как будто
Войдёте в самый светлый храм.

В добро и радость верить склонны,
Природу любим, отродясь.
Стволов высокие колонны
Венчает крон седая вязь.

ЗИМА

Без точной даты или места,
Неотвратима и чиста,
Зима приходит, как невеста.
Белым-бела её фата.

Покорно всё волшебной власти —
Ни ранних вьюг и ни простуд...
И люди в этой ипостаси
Её так любят и так ждут.

И сразу прояснились лица,
И серость сбросили умы.
И ты готов, как паж, пуститься
За шлейфом царственной Зимы.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

О эти зимние дороги
И по обочинам кусты,
Чередованье гряд отлогих,
Где краски светлые чисты!

Лишь два оттенка — белый, синий —
Переплетаются хитро.
А на ветвях пушистый иней —
Одно сплошное серебро.

И всё бежит, бежит дорога,
Как бы разматывая нить.
И отчего-то одиноко
Душе от посвиста синиц.

РАННЯЯ ЗИМА

Зимою, а не осенью,
Застигнуты врасплох,
Стоят деревья босые,
Лес вымер и оглох.

Легла зима сугробами
На пойму, острова.
Остался сад некопаным,
Не колоты дрова...

Вдали дубравы с клёнами,
Взбегая на бугры,
Морозом опалённые,
Пылают, как костры.

Им не откажешь в мужестве.
Зима пойдёт вьюжить,
Но воплощенье мудрости —
Деревья будут жить.

ЗИМНИЕ КРАСКИ

Не зима, а подарок —
Всё теплынь да снежок.
День струится неярко
Светлой мыслью меж строк.

И шагаю я в сказку —
В белоснежность и синь.
Ни одной лишней краски —
Взгляд куда свой ни кинь.

Лишь лазурь да белила,
Как слияние душ...
Впрочем, есть и чернила,
А, возможно, и — тушь.

* * *

Когда душа с умом в разладе,
Как жить, как быть — не разберёшь,
Ищи спасенья в снегопаде,
В кругу седеющих берёз.

Пусть восстанавливает память
Всё до мельчайших пустяков:
Пеньки, обросшие грибами,
И рукоделье пауков,

И в ясном небе клин небыстрый
Птиц над студёною рекой,
И на бору внезапный выстрел,
Легко обрушивший покой.

ЗАКОННАЯ БЕРЕЗА

*Печальная берёза
У моего окна...*

Афанасий Фет

Белая берёза под моим окном...

Сергей Есенин

Закопная берёзка
Солнышком просвечена.
Розоватая берёста
Тонкой чернью мечена.

Веток лёгкие каскады
Стынут в бликах утренних
Над забором палисада,
Над седыми кудрями

Незатейливых акаций
И кустов малиновых.
В сказку чудную вписаться
Древу помогли они,

Невесомо и прозрачно,
В лёгких искрах инея,
Так волшебнo, так удачно
Влиться в утро зимнее.

НА ЛЫЖНЕ

Сердце бьётся сильнее, сильнее.
И румянец пылает зарёй.
Я на лыжах. Лыжня синее,
Меж стволов извиваясь змеёй.

Только слышится снега шорох.
Только тихо скрипят ремни.
А лыжня то взлетит на пригорок,
То скользнёт, одержимая, вниз.

Будто сильного, смелого ищет.
Будто хочет взметнуться до крон.
И такая краса-красотища
Обступает со всех сторон!

Шепчут ели косматые глухо.
Нипочем им трескучий мороз.
И мерлушкою снежного пуха
Оторочены ветки берёз.

А румянец всё жарче пылает.
От дыханья ресницы седы.
А лыжня всё петляет-петляет
И не может запутать следы.

ОТТЕПЕЛЬ

Сколько о том без прикрас
Сказано фразами общими!
Где-то вздыхает Пегас,
Крылья сложивши намокшие.

Оттепель вносит своё
В жизнь, заурядную вроде бы.
В скверах галдит вороньё.
Тянет дымками родины.

Речки змеится тесьма.
Дремлет рыбак у проруби.
Спят за рекою дома,
Как воробьи на проводе.

АЛЛЕЯ

Аллея несдающейся зимы.
Стволы, стволы, облепленные снегом.
Средь них наивно затерялись мы,
С двадцатым распростившиеся веком.

Что впереди? Особая статья.
Её мы средь забот не разгадали.
Но вдаль зовёт дорога бытия,
И распахнулись перед нею дали.

А мы идём навстречу чудесам,
Забывшие, как видно, не напрасно,
Что путь людской отмерен по часам.
И всё ж судьба по-своему прекрасна.

* * *

Хотя ещё мороз февральский злющ
И воплощает русский дух и удаль,
Пошло на убыль время зимних стуж,
И стынь ночная катится на убыль.

Деревья спят, опушены снежком.
Лишь тихо под луной мерцают блёстки.
И в свете неустойчивом таком
Застыли невесомые берёзки

Прожилками в холодном хрустале
Созвездьями усыпанного неба.
Им снится сон о мартовском тепле,
Прервать который было бы нелепо.

VI. ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЕЧНОСТИ

МЫ — ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ

*Человек, по утверждению
французских учёных, состоит из
тех же компонентов,
что и межзвёздная пыль.
По ним можно даже проследить
этапы образования Вселенной
от Большого взрыва до рождения
звёзд и планет.*

Мы — пыли космической слепки,
По сути мы — дети её.
В нас наши далёкие предки
Вдохнули бессмертье своё.

Нас сила Вселенной слепила,
Доверив нам разума свет,
И, солнцем согрев, ослепила,
Да так, что спасения нет.

Наш долг перед Ней неоплатен.
Поймём ли когда я иль ты:
В спиральных далёких галактик
Мерцают и наши следы?

В ПУЧИНАХ МЛЕЧНОГО ПУТИ

От тайн великих не уйти.
И в мире вовсе не случайно
Дыханье Млечного Пути,
Созвездий вечное звучанье.

Природа разум нам дала
В пределах, ей необходимых,
Где человечества дела —
Лишь зуд укусов комариных.

Но надрываемся, вопим:
— Мы покорители Вселенной!
Но что он значит — этот дым
В своей транскрипции мгновенной?

Вот напаскудим, натворим:
Моря осушим, горы сдвинем
И в клетке лестничной строим,
Простором не прельстившись синим...

А что маячит впереди?
Не опечалимся. Не так ли?..
В пучинах Млечного Пути
Такие глупые спектакли!

* * *

Звёзд Пути не достигнувши Млечного,
Но божественной силы полна,
Словно символ влечения вечного,
Мирно плещется в берег волна.

И под шелест её не завидую
Ни богатствам чужим, ни постам.
Ни живым, ни замшелым идолам
Я и капли души не отдам.

Нет в ней места для слога парадного —
Только искренность, детский наив.
Но пребуду в грядущем стократно я,
По крупицам её раздарив

Всем, кто жизнь понимает по-божески,
А не выгоду лишь в ней кроит,
И в быту, невзирая на сложности,
Как скала в океане, стоит.

* * *

Я скромная веточка древнего древа.
Мне каждым листком трепетать на ветру,
Сверять по закатам и слово, и дело,
И знать, что когда-то в свой час я умру.

Но что-то останется внукам и людям,
Которых порою не знал до конца.
А правнуки даже, быть может, осудят
Неровный мой путь в ипостаси отца.

Что было, то было. Мы все — человеки.
Не зря же ночами нас совесть грызёт,
Ведь точность — она не для нас, для аптеки.
И вряд ли раскаянье душу спасёт.

Но всё же отринем грехов наслоенье,
Когда и седины, и бес нам в ребро.
Чем падать зазря, разбивая колени,
Не лучше ли сеять любовь и добро?

* * *

Незаменимых в этом мире нет.
Таких, что в сотню лет лишь раз рождаются
И на дела великие годятся.
Незаменимых в этом мире нет.

Роняют тени на погост кресты
И звёзды одиноких обелисков.
Ах, сколько их, прославленных и близких,
Ушло под сень очередной звезды!

Незаменимых в этом мире нет,
Себе снискавших славу и бессмертье.
Они ушли. И всё-таки, поверьте,
Незаменимых в этом мире нет.

* * *

На судьбу не влияют планеты
И галактик мудрёный чертёж.
Мы всего лишь корпускулы света,
Совместившие правду и ложь.

Затянулся дымком сигареты —
Глядь, уж мысль облачается в стих.
На судьбу не влияют планеты.
Всё зависит от нас же самих.

Присягаем на верность Отчизне
Или веруем слепо в корысть —
Не судьба нас толкает по жизни,
А стремленье её творить.

* * *

Мы околдованы безбрежностью,
Игрой созвездий вдалеке.
Не зря ведь вечность с человечностью
Созвучны в русском языке.

Но где-то, вопреки гармонии
Духовных и небесных сфер,
Зло воплотить готовы в молнии
Кичливый шейх и наглый сэр.

Открыл учёный ядра атома,
И тут же грянула беда:
Вмиг сокрушила сила адова
Земли цветущей города.

Мечты агрессоров исполнились.
Война и нам дала урок.
Ах, люди, если б вы опомнились,
Зло не пропустили б на порог!..

* * *

Жрецы науки спят, спокойны,
Назвав причиной наших бед
Не революции и войны,
А гиблый ультрафиолет.

Но под луною млечным газом
Плывут куда-то облака,
И день за днём Вселенной разум
Постичь пытается строка.

Я это вечное боренье
Благословляю, чуть дыша.
И за мгновеньем озаренья
Тщеславно тянется душа.

ПОД ЗВОН ДОМБРЫ

Напоминает по такырам скачку
Густое дребезжание домбры,
Как будто непосильную задачку
Нам задают межзвёздные миры.

А аксакал сидит невозмутимо,
В прищуре взгляд уставив на восток.
И всё пустое пролетает мимо.
И не понять, где устье, где исток

Мелодии, идущей из Вселенной,
Вобравшей целомудренность эпох,
Где сквозь песчинки мыслей сокровенных
Всё явственнее проступает — Бог!

* * *

Всё кончится: взлёты, паденья,
Слова и движения рук,
Судьбою с момента рожденья
Нелепо очерченный круг.

Всё кончится. Это уж точно:
Всему свой резон и черёд.
И жизнь твою вряд ли построчно
Какой-то чудак разберёт.

Всё кончится. Но, что обидно,
Как будто сгорит всё дотла:
И дел твоих вовсе не видно,
И были ли эти дела?..

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЕЧНОСТИ

Мы все уходим навсегда
На склоне собственного века.
И лишь посмертная звезда —
Небесный символ человека —

Неясный источает свет,
Как неразгаданная тайна.
Ведь среди людей тебя уж нет —
Одно холодное мерцанье.

Вселенной музыка звучит
О том, что все мы в мире — братья,
Что каждой звёздочки лучи
По сути — скорбные распятья.

И, ах, как хочется объять
На миг немислимые дали,
Чтоб в них самих себя понять,
Что удавалось нам едва ли!

* * *

Звёзд надмогильных пятилучия
И православные кресты...
От нас уходят люди лучшие,
Чьи были помыслы чисты.

Материальным всем казался он —
Их мысли и души полёт.
И вот уж колокол Казанского
С небес скупые слёзы льёт:

— Ах, где вы, страстно жизнь любившие,
С жестокой мудростью меча
Узлы бывшего разрубившие?..
Трепещет мотыльком свеча,

И хора мощные созвучия
В своей трагичности чисты...
От нас уходят люди лучшие
Под звёзды или же — кресты.

VII. ПАТИНА

ЕСТЬ МУЗЫКА!

Когда планета воплями объята
И от неправд уже невоготу,
Лечите душу музыкой, ребята,
Презревшей слепоту и глухоту.

Она звучит — и трепет в каждом звуке.
Семь красок радуги — созвучье ярких нот.
Диапазон от буги и до фуги
Азартнее шуршания банкнот.

И пусть грядёт тупых тусовок эра —
В беспамятство ей не втоптать народ.
Есть музыка, священная, как вера.
И очень жаль, коль всё наоборот.

МУЗЫКА СЛОВ

Есть музыка, сокрытая в словах,
Таких непредсказуемых и чистых,
И смысл их страстен и неистов,
Хоть автора давно истаял прах.

Есть музыка, опасная, как боль,
Что разорвать готова ретивое,
Когда оно трепещется живое
И воплощает целый мир собой.

Есть музыка, доверенная нам,
Наверное, самими небесами.
И хоть о том не ведаем мы сами,
Она под стать пророчествам и снам.

Есть музыка...

* * *

Плетенье словесных кружев —
Загадочное ремесло.
Два слова связал — и, о ужас! —
Куда-то тебя понесло.

И сброшены наземь оковы
Беспомощных мыслей и чувств.
Скажите, приятель, мне: кто вы?
Отваги у вас поучусь,

Стремительности и размаху
Наполненных ветром крыл,
Ведь я натерпелся бы страху —
Едва их в полёте раскрыл.

Как видно, в сегодняшней жизни
У каждого свой потолок.
Но всё ж без полёта в ней сникнешь.
И в этом бесстрашья залог.

ПРИЗВАНИЕ

От первого шага до точки
Ему улыбалась судьба.
Он слышал, как лопались почки
И как колосились хлеба.

Невзгоды познавши и войны
На самых крутых виражах,
Нёс крест испытаний достойно
По жизни за шагом шаг.

И снова взрываются почки,
И льдины встают на дыбы,
А в круто замешанных строчках
Сквозит ощущение борьбы.

* * *

Мир состоит из серых крыс,
Что суетятся, норы роя,
Средь работяг и среди актрис
В фундаменте любого строя.

Мир состоит из сволочей.
Без них мы, как уха без перца.
Без подлецов и без рвачей
Не закалим души и сердца.

И всё ж, приятель, рассуди:
А не оброс ли сам грехами?
И как намерен впереди
Налёт их отмывать стихами?

И в том отрадней помощь чья,
Советы чьи и чьи заветы?
Они, как влага из ручья.
К ним припадают все поэты.

* * *

Повальнейшая мания —
Глупеть от жизни сытой.
Крупицами внимания
По маковку осыпан,

Грустишь об одиночестве,
О творческой свободе.
Всё это мило отчасти,
Но глупо в обиходе.

Ведь вот почти у цели вы,
Но на последнем шаге
Дрожь бьёт от торричелльевой,
Сомнительной отваги.

* * *

Отлегло, отболело,
Как в быту повелось.
Для души и для тела
Неприемлема злость.

По дороге на пристань,
Не кляня белый свет,
Буду честным и чистым,
Как опальный поэт.

Буду в счастье и в горе
Верить: жизнь удалась,
Успокоюсь, как море
Перед штормом за час.

* * *

Остановись, мгновенье!

Ты прекрасно.

Гёте. «Фауст»

Остановить мгновенье некому:
Необратим столетий ход.
А меж цветами и оттенками
Всё тот же тонкий переход.

И ветерок всё так же ластится,
Воспоминанья вороша.
Вот шевельнулась строчка классика
В душе, пронзительно свежа.

Но Млечный Путь проступит явственно,
И в лоно вод, гоня волну,
Красавец лось войдёт и царственно
Возденет на рога луну.

* * *

Под звуки осенних мелодий,
Под шелест забытой строки
Невольно в себя мы уходим.
И мысли нежданно горьки,

Как запах увядшей полыни
И в рожице всхлипы ручья.
Что нам остаётся отныне:
Не знаем ни ты и ни я.

А надобно, верно, немного:
Чтоб, голову как ни теряй,
А эти тоска и тревога
Не хлынули вдруг через край.

* * *

Слева — пашня. Справа — озимь.
Впереди — стрелой шоссе.
Дали высветлила осень
В среднерусской полосе.

Словно сказочный художник
За мазком кладёт мазок.
Вот он в рощах придорожных
Каждый лист и куст зажжёт.

Обозначил туч движенье,
Изнутри их осветив.
И от этого свеченья
Мир взволнованно затих.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Продрогших крон дымок
И белых мух круженье
Прозрачны, как намёк
На проблеск вдохновенья,

На сокровенный взгляд,
Поэтами воспетый...
Они ль не исцелят
Хотя б от грусти этой?

Они ли не спасут,
Когда так жаждем их мы,
А облака несут
Порхающие рифмы?..

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ АРДАТОВА

Он называл меня юннатом
И, верно, смысл в том находил,
Коль перелескам-перекатам
Я столько строчек посвятил!

Его позиция понятна:
Мол, повзрослеть пора давно
И, разглядев на солнце пятна,
Познать мудрёных истин дно.

Но, музы маслящей сторонник,
Он одного всё ж не учёл,
Что потому меня и клонит
К истокам всех чудес и зол,

И, вероятно, оттого-то
Бегу к основе всех основ,
Что знаю: матушка-природа
Мудрее собственных сынов.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ТАЛАНТАМ

Нас не могла взять ни Антанта,
Ни фриц под Курскою дугой,
А вот убожество таланта
Россию ставит в ранг другой.

По всей стране — то видят боги —
Власть предержавшие чины
Низводят умниц до убогих
За то, что слишком уж умны.

Рогатки ставят крючкотворы:
Мол, умный в гору не пойдёт,
А только тот, кто матом кроет,
Ворует или водку пьёт...

Не оттого ль страна распята,
Навяз в зубах совет «благой»:
— Ищите спонсоров, ребята!
Вперёд!.. С протянутой рукой?..

СУДЬБА

Как рифма за живой строкой,
По светлой воле Божьей
Бредёт твоя судьба с клюкой.
К ней приглядишь, прохожий!

Она по-своему звучит
В пустыне мироздания.
Вот камень на пути лежит
И жертву ищет тайно.

Но ведь на то и есть клюка,
На то есть в мире вирши,
Чтоб не споткнулась вдруг строка,
Ниспосланная свыше.

СОВЕСТЬ

На пепелищах лирики и прозы
Едва лишь тлеют чьи-то имена.
Забыты напрочь соловьи и розы.
Язык грубей шинельного сукна.

Но врежет ветер, рассыпая искры,
Костров взметнутся в небо языки —
И ранят нашу совесть обелиски,
Вознёсшиеся гордо у реки.

Ах, до чего ж мы, братцы, измельчали!
Всё ждём погоды свежей и крутой,
Чтоб вновь слова набатом зазвучали
В душе, до неприличия пустой.

ТУСОВКА

Случилось это как-то на неделе
В одну из поэтических суббот.
Три женщины восторженно сидели,
Взирая на собравшийся бомонд.

И всякий, повстречавшись с их глазами,
Магическим их взором вознесён,
Как херувим, витал под небесами,
Презревши притяжения закон.

И я в заштатно скромной ипостаси
Причастного к изданию ряда книг
Вполне мог полюбезничать бы, кстати,
С любой из неприступнейших из них.

Они же восседали, словно музы,
Вознёшшиеся в райские сады.
А люстры в зале плыли, как медузы,
Над бездной поэтической воды.

ДРУГУ-ПОЭТУ

Смакуй слова, смакуй на вкус и цвет.
Такая в них сокрыта светомузыка,
Что перед нею предстаёт поэт
Подобьем зачарованного узника.

Не так ли был прикован Прометей —
Герой — титан античного предания,
Ведь что на свете может быть светлей,
Чем за огонь и за людей страдания?..

А ты к скале цепями не пришит,
Легко паришь на крыльях вдохновения.
Народ на щит поднять тебя спешит
Или окутать сумраком забвения...

Но, согласись, нам в сущности одно
Судьбой в любом раскладе обеспечено:
Игра со словом — сладкое вино,
А служба слову — жертвенность извечная!

ПАТИНА

Навеяны души полётом
Творенья старых мастеров.
Покрыты патины налётом
Куинджи, Левитан, Серов...

Порой сам автор и неведом,
Но в дом войди — и в тот же миг
Наполнит сердце мягким светом
В святом углу иконный лик.

В багете ль древняя картина
Твой взор к себе притянет вдруг —
И повседневности рутина
Отступит, размыкая круг.

И пусть скромней иконописцы
Пророков кисти и холста —
Свою божественную пристань
Находит каждый неспроста:

Объединяет их искусство
Высокой страсти и ума,
Ведь без внезапных взлётов чувства
Теряет смысл и жизнь сама.

МУЗЕЙ РЕПИНА В ШИРЯЕВО

Простите мне невольный трепет.
У жигулёвских этих скал
Рождён Ширяевец, и Репин
Здесь краски нужные искал.

Мешая смело охру, сурик
И бесподобную лазурь,
Он грезил, бурлаков рисуя,
Предчувствием грядущих бурь.

До них Илья Ефимыч дожил:
Как судьбы были ни горьки,
А бечеву порвали всё же
Его босые бурлаки.

Вглядитесь в лица их простые —
Да так ли уж они просты?
В их облике — сама Россия
Перед броском из нищеты.

НА ВЫСТАВКЕ ФАРФОРА

Непритязательность фаянса,
Фарфора ль аристократизм —
Дух времени в них устоялся,
Впитав практичность и лиризм.

В глазури глубине молочной
Сто тайн иного бытия.
Их гений выстрадал рабочий,
Одной лишь тайны не тая —

Стремленья к радости и свету,
К любви пронзительной своей.
Взираю на вещицу эту,
Благоговея перед ней.

* * *

Сцена, палитра, поэма
Да с полфужера вина...
Вот она — наша богема.
Вот она — наша страна.

Юмора пошлого блики —
Наше кривое трюмо.
Дурень ли станет великим,
Умница ль вступит в дерьмо?

Жмот ли поделится с братом,
Свой капитал сколотив,
Хват ли проснётся богатым,
В омуте рыночном всплыв?..

Где ж ты, святое горенье?
Сгибнешь, ему ты не вняв.
Непредсказуемо время,
Непредрекаема явь.

БЕЗУТЕШНОЕ

Скромным камешком лежу
На обочине дороги
И невольно подвожу
Дней утраченных итоги.

Прожил жизнь я всё ж не зря,
Дотянуть сумею сегодня
До седого декабря
Светлой милостью Господней.

Перспектив в грядущем нет,
Кроме истины резонной:
Прочертив в зените след,
Грянуть прямо в чернозёмы,

Эту землю подкормить,
Чтобы впредь не оскудела,
А душою в небо взмыть
До безгрешного предела.

ПРИЗНАНИЕ

Признание всегда так долгожданно,
Как плата за бессонные труды.
К нему идём по жизни неустанно,
Непониманья раздвигая льды.

В пути оно сияет, как вершина
Сквозь облаков суровых пелену.
Не важно кто ты: женщина, мужчина —
Важнее с чем приходите к нему.

Признание не всякого находит.
Чтобы однажды обрести успех,
Оно по капле копится в народе
Одно на всех, способных на посев.

* * *

На полпути или в зените,
Но приближается итог,
В котором сходятся все нити
Былых прозрений и тревог.

И сколько б не блуждал ты взором,
А горизонт уж опустел.
Грядёт забвение, в котором —
И беспредельность, и предел.

И лишь пылинки вдохновенья,
Клубясь в луче, сквозь толщу лет
Заронят светлые мгновенья
В сердца шагающих вослед.

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Никульшин. Сладкий запах полыни.....3

I. РОДОСЛОВНАЯ

Библейское	6
Самоцветные слова	7
Великое оледенение	8
Глина	9
Финикийцы	10
Сфинкс	11
Аркаим	12
«Стрибог, стрижи и стрежень...»	13
О язычестве и славянстве	14
Сарматка	15
Святыня.....	16
Князь.....	18
Чья слава громче	19
О себе, о дедах и отце.....	20
Ермак	22
Казаки	24
Дом князей Гагариных.....	25
Я — полынок	26
Родословное древо.....	27

II. ПОРЕЧЬЕ

Самарская излучина	28
Порубежье	29
У села Переволоки.....	30
Граду Октябрьску	32
Два кремля	34
Золотые купола	35
Самара.....	36
О Самаре и самоваре.....	37
«Не подражая кулику...»	38
Поречье	39
Серёдыш.....	40
Вязовка.....	41
Варламово.....	42
Смолькино	43

III. МОСТОВАЯ

Плач русской избы	44
Золотою мерой жита	45
Мостовая	46
Дуся-надзирательница.....	48
В упрёк первопрестольной.....	50
Душа и рынок	51
Равноденствие	52
Предвыборное	54
«Мыслитель»	55
«Такое уж время. Оно...».....	56
Суровая правда войны	57
О фронтовых ста граммах.....	58
Мастер	59
Его судьба	60
Золотое слово «надо!»	61
К молодым.....	62
Николаю Островскому.....	63
Ситуация	64
Столичное метро.....	65
Добротные хаты и серые избы.....	66
Иных не жду приоритетов	67
Дача.....	68
«У России много конкурентов...»	69
«Всё так солнечно и бело!..».....	70
Чечня.....	71
«В кипенье мирных буден и в борьбе...».....	72
«А ветры лютуют от баса до альта...».....	73
Русский характер.....	74

IV. КАМЕРТОН

Вступая в новую эпоху.....	75
Мы — и время	76
«Не упаду в рыданиях о прошлом...»	77
Констатация	78
«Они сегодня в почестях и силе...»	79
Другу-афганцу.....	80
Рукопожатие	81
«Америка с повадками Трезора...».....	82
Об удобствах	83
Кошмар	84

Весна	85
«Уповая на вечную сложность...»	86
Пастух	87
«Затянуло небо. Осень...»	88
«Одолеют пустые желанья...»	89
Осенние деревья	90
«У природы нет плохой погоды...»	91
Снегопад	92
Чувств человеческих оттенки	93
Зависть	94
«Я рассорился враз со всем светом...»	95
О ссорах	96
Одиночество	97
«Ах, что бы мы ни делали...»	98
Утешение	99
Камертон	100
На траур по жертвам пожара в «Хромой лошади»	101
«Русским витязям»	102
Стойкость	103
Женщинам	104
«Пусть жизнь — капризная невеста...»	105
«Всё начинается с любви...»	106
«Это будет не скоро...»	107
Чужие	108
В уральском лесу	109
Присмотрись!	110
Пир души и тела	111
«Когда любовь нас гнула и косила...»	112
«У нас всё часто под копирку...»	113
Мужик	114
«У водителей примета...»	115
В оправдание согрешившему	116
Об ограничениях	117
Профессии	118
Тайна контраста	119
По поводу антиалкогольного указа	120
Мечь	121
Руны на колечке	122
Черновики судьбы	123
«Не козыряйте собственной судьбой...»	124
«Созвездие ль во мраке...»	125

Капля и сердце	126
«На свете, как в большой квартире...»	127
«Ни по личной воле, ни под розгами...»	128
О переселении душ	129

У. ГОД НАЧИНАЕТСЯ С ВЕСНЫ

Солнцеворот	130
Год начинается с весны.....	131
Сюрпризы марта.....	132
«И вновь в сталактитах сосулек...».....	133
«Дней и событий чехарда...»	134
Весенний лес.....	135
Вербное воскресенье.....	136
«Весенний этот день...»	137
«Опять вдоль тропок на соседних дачах...»	138
«Сладкой мятой пахнет лето...»	139
После дождя.....	140
Раннее утро	141
«Всё прекрасно, как в начале...».....	142
«Дальних созвездий мерцающий цвет...»	143
«В заливчиках утиных...»	144
Речной бальзам.....	145
Перед рассветом.....	146
Закат	147
Дикая груша	148
Лесная тишина.....	149
Вика, или Мышиный горошек	150
Засуха	151
В страду.....	152
«Преображение природы...».....	153
«Ещё пичугою не спета...»	154
«Ах, какая примета!...»	155
В детском парке	156
Осеннее	157
«Ещё не вызрела заря...».....	158
«Сентябрьская ясность...»	159
«Вот и вновь зовёт нас осень...»	160
«Осенних красок ярче сонмы...».....	161
«А так ли уж потерян этот день...».....	162
Грибной туман	163
Осенний дождь.....	164

Затяжной дождь.....	165
«Наконец-то расщедрилось небо...»	166
Грибное время	167
Грибной нож.....	168
«День до доньшка выпит...»	169
«Сегодня синица в кустах разливала...»	170
«Никем не подняты рубины...»	171
«Посветлела вода. Рыбак...»	172
Осенняя листва.....	173
«Небо словно бездонная чаша...»	174
«Обосновалась в рощах дремных...»	175
«То мутная серость, то синь...»	176
«Отгорели осени костры...».....	177
Осенние мотивы	178
«Как-то утрачен уж солнышка вкус...»	179
«Оживаю с осенней прохладой...»	180
«Ах, зачем вино бузит в бочонках...»	181
Ноябрьское утро.....	182
Перед отлётом	183
Гуси	184
На исходе осени.....	185
Просветление	186
Миг бытия	187
«Серость в ранг возведена...»	188
Межсезонье.....	189
Путь на заимку.....	190
Серый дождь	191
Тишина.....	192
В канун ледостава.....	193
«Вот и всё — и дохнула зима...»	194
«Ещё не грянули морозы...»	195
Зима	196
Зимняя дорога	197
Ранняя зима.....	198
Зимние краски.....	199
«Когда душа с умом в разладе...»	200
Закопная берёза.....	201
На лыжне	202
Оттепель.....	203
Аллея.....	204
«Хотя ещё мороз февральский злощ...»	205

VI. ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЕЧНОСТИ

Мы — звёздная пыль	206
В пучинах млечного пути	207
«Звёзд Пути не достигнувши Млечного...»	208
«Я скромная веточка древнего древа...»	209
«Незаменимых в этом мире нет...»	210
«На судьбу не влияют планеты...»	211
«Мы околдованы безбрежностью...»	212
«Жрецы науки спят, спокойны...»	213
Под звон домбры	214
«Всё кончится: взлёты, паденья...»	215
Перед лицом вечности	216
«Звёзд надмогильных пятилучия...»	217

VII. ПАТИНА

Есть музыка!	218
Музыка слов	219
«Плетень словесных кружев...»	220
Призвание	221
«Мир состоит из серых крыс...»	222
«Повальнейшая мания...»	223
«Отлегло, отболело...»	224
«Остановить мгновенье некому...»	225
«Под звуки осенних мелодий...»	226
«Слева — пашня. Справа — озимь...»	227
Первый снег	228
Памяти Анатолия Ардатова	229
Об отношении к талантам	230
Судьба	231
Совість	232
Тусовка	233
Другу-поэту	234
Патина	235
Музей Репина в Ширяево	236
На выставке фарфора	237
«Сцена, палитра, поэма...»	238
Безутешное	239
Признание	240
«На полпути или в зените...»	241

Литературно-художественное издание

Вячеслав Владимирович Харитонов

ПОЛЫНОК

Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Ольгу Васильевну Рыбакову,
Лидию Алексеевну Анохину

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 26.03.2012. Формат издания 84х108/₃₂.
Объём 13,02 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства ООО «Книга»
г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 310, телефон (846) 267-36-82